

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАУЧНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЖУКОВСКИЙ
ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Выпуск 3

Сборник научных трудов

Издательство Томского университета
2017

Э.М. Жиликова
(Томский государственный университет)

ВБЛИЗИ ЖУКОВСКОГО: ФРАНСУА ГИЗО В ПЕРЕВОДАХ А.П. ЕЛАГИНОЙ И Г.С. БАТЕНЬКОВА

Изучение круга интересов, деятельности и личной жизни людей, окружавших В.А. Жуковского, дает ценный материал для характеристики эпохи, содержания творчества поэта и во многом служит объяснением причин духовного притяжения людей целого поколения.

Личность Авдотьи Петровны Елагиной (1789–1877) занимает исключительно важное место в жизни и творчестве Жуковского. Об этом свидетельствует их переписка длиной в полвека¹.

Племянница, с юных лет подруга поэта и сестер Протасовых, мать двух выдающихся деятелей русской культуры – Ивана и Петра Киреевских, хозяйка знаменитого московского салона, где собирались выдающиеся люди 1840-х гг., Елагина вошла в историю культурной жизни России как представитель русской просвещенной интеллигенции, характеризующейся широтой эрудиции, гуманностью, глубиной исторических и философских познаний, тонкостью художественного вкуса и чистотой нравственных принципов². Преданный друг поэта, советчик, вдохновенный и восторженный почитатель его поэтического таланта, Елагина, как и ее дети, на протяжении всей жизни испытывала благотворное влияние Жуковского. Круг интересов поэта и его друзей, среди которых были братья Тур-

¹ См.: *Переписка* В.А. Жуковского и А.П. Елагиной. 1813–1852. М., 2009. Далее тексты писем Елагиной даются по этому изданию с указанием в скобках: *Переписка* и номера страницы.

² См.: *Кавелин К.Д.* Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х годов XIX века. М., 1989. С. 139–141; *Бартенев П.И.* Авдотья Петровна Елагина // Русский архив. 1877. Кн. 2. С. 492–495. *Канторович И.* Салон Авдотьи Петровны Елагиной // Новое литературное обозрение, 1998. № 30. С. 165–209.; *Сахарова Л.Г.* Семейство Елагиных – Киреевских и их культурные связи: (По письмам и воспоминаниям) // Забелинские научные чтения. 2001. Вып. 134. М., 2002. С. 171–185.

гены, П.А. Вяземский и лучшие светлые умы русского и европейского общества, во многом определял формирование и развитие ее личности. Сфера творческой деятельности Елагиной была связана с педагогикой, с вопросами нравственного воспитания личности в семье, где исключительная роль отводилась женщине¹. Разработка этой, казалось бы, «семейной» проблемы приобретала в творчестве Елагиной высокий гражданский смысл, поскольку категории нравственные рассматривались ею с позиции общественной значимости. Своеобразие концепции Елагиной ярко проявилось в ее выборе для перевода эссе «О милосердии, о христианской любви в жизни женщины» (1828)², автором которого была Элиза Гизо (урожд. Диллон, 1804–1835), вторая жена Гизо, бывшая племянницей Паулины де Мелан (1773–1827), его первой жены, известной французской писательницы-моралистки³.

Авторство же перевода «исторического очерка» «Любовь в супружестве» (1855), принадлежащего перу самого Франсуа Гизо (1787–1874), историка и политического деятеля Франции, на сегодняшний день представляется не совсем ясным. Рукописный текст перевода очерка хранится в РГАЛИ (Ф. 236. Оп. 3. № 2. Л. 1–34 с оборотами) и имеет формулярное заглавие: «Елагина А.П. Любовь в супружестве. Исторический очерк. Список рукой М.В. Киреевской. 1830–1840-е гг.». Ошибочной является датировка перевода: очерк Ф. Гизо «L'Amour dans le mariage» был опубликован в 1855 г.⁴ В письме к Е.И. Якушкину от 27 мая 1857 г. из Петрищева, где в это время Г.С. Батеньков проживал в семействе А.П. Елагиной по возвращении из томской ссылки, он сообщает:

¹ См.: Жиякова Э.М. Переписка А.П. Елагиной и В.А. Жуковского как памятник русской культуры первой половины XIX века // Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной. 1813–1852. М., 2009. С. 663–665.

² Дата публикации эссе во Франции устанавливается на основании номинации перевода (без указания автора), опубликованного в 1862 г.: «О милосердии и о том, сколько оно нужно в жизни женщины. Письмо г. Е. Гизо. Писано в 1828 году. М., 1862. В типогр. В. Грачева. 21 с.».

³ В библиотеке В.А. Жуковского хранятся два тома педагогических трудов Паулины Гизо: *Guizot P. Lettres de famille sur l'éducation. Par M-me Guizot. 3. Ed. T. 1–2. Paris, 1841.*

⁴ *Guizot F. L'Amour dans le mariage // Revue des Deux-Mondes (livraison du 1 mai 1855). Paris, 1862.*

Мои «Поселенцы», довольно эксцентрические, сомнительно, чтоб могли быть напечатаны, а я взялся для «Вестника» за дело, еще этого хуже, а именно за обозрение «правительственной архитектуры» Сперанского, а между тем за другое прочее. Одну еще новую переводную статью, довольно интересную, надеюсь привезти с собою. Это эпизод из Английской истории смутного времени, объемлющий биографию леди Россель, жены обезглавленного в это время»¹ (курсив мой. – Э.Ж.).

Очевидно, что речь идет об «историческом очерке» Гизо, но не указано точно, кому принадлежит авторство перевода. Если исходить из контекста, то это перевод Г.С. Батенькова. Но это могла быть и работа А.П. Елагиной, часто не подписывавшей свои переводы. Тем более что в это время вся семья Елагиной занималась переводами, в том числе и оставленными покойным П.И. Киреевским. Е.И. Елагина сообщала о переводах П.И. Киреевского:

Больше всего занимал его в последнее время проект переводов на русский язык всех исторических книг, сколько-нибудь замечательных. <...> Он много писал о необходимости возбуждения умственной жизни, о причинах спячки и равнодушно-вялой сонливости².

О совместной работе Елагиной и Батенькова свидетельствует автограф перевода А.П. Елагиной VI главы «Истории византийской империи» Шарля Лебо³, которым усердно занимался Батеньков в Петрищеве. И наконец, немаловажным является то обстоятельство, что рукопись написана рукой А.П. Елагиной, а не ее дочери, как это указано в описании рукописи, хранящейся в РГАЛИ. Таким образом, авторская принадлежность перевода «исторического очерка» Ф. Гизо, выполненного в 1857 г. в Петрищеве, двум этим людям,

¹ Батеньков Г.С. Сочинения и письма (1856–1863). Т. 2. Иркутск, 2015. С. 278. Далее в тексте цитаты приводятся по этому изданию с указанием в скобках: Батеньков 2015 и номера страницы.

² Власова З.И. Письма Е.И. Елагиной к И.С. Аксакову // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: ежегодник. 1983. Л., 1985. С. 54.

³ РГБ. Ф. 99. Картон 11. № 31.

кровно связанным с событиями 14 декабря 1825 г., является неоспоримым фактом.

Обращение Елагиной и Батенькова к произведениям, воплотившим в себе принципы и пафос французской оппозиционной доктрины, представляет важное свидетельство одной из форм взаимодействия идей, рожденных эпохой Французской революции и Реставрации, с русской общественной мыслью.

Основу сюжета «исторического очерка» составляют события в Англии XVII в.: противостояние патриотически настроенной аристократии во главе с лордом Росселем¹ и Шефтсбери правлению Карла II. Методологической основой обращения к очерку Ф. Гизо, как в свою очередь внимание французского историка к сюжету из английской истории с целью осмысления современности, явилась философская доктрина Гизо, в частности понимание цивилизации как процесса «непрерывного совершенствования человечества»². Эту мысль высказывал Батеньков в письме к М.А. Корфу 18 мая 1857 г., объясняя необходимость перевода 22-томного Собрания сочинений Ш. Лебо:

Мне всегда казалось, что русская история, примыкая к византийской одной из главных сторон и составляя в некотором отношении наследие ее и продолжение, требует для собственной своей полноты обозрения того пространства, на котором означаются истоки всех новых народов и самой церкви (Батеньков 2015. С. 272).

Имя и исторические труды Ф. Гизо в ближайшем окружении Жуковского привлекли к себе всеобщее внимание, особенно в 1820–1830-е гг.³ Этот интерес был связан со стремлением русских читателей понять и объяснить ход революционных потрясений в Европе и

¹ Примеч. ред.: современная транскрипция фамилии – Рассел. Однако в XIX – начале XX в., в том числе в словаре Брокгауза и Эфрона (ср.: «Россель (Russel) – англо-норманнская семья, известная с XII в., имя ее происходит от местечка Ле Розель (Le Rozel) в Нормандии»), была принята используемая в данной работе историческая транскрипция «Россель».

² Реизов Б.Г. Французская романтическая историография. Л., 1956. С. 177.

³ См.: Янушкевич А.С. В.А. Жуковский и Великая французская революция // Великая французская революция и русская литература. Л., 1990. С. 119–121.

России¹. В библиотеке Жуковского среди книг Ф. Гизо находится «История цивилизации в Европе» издания 1828 г.² с многочисленными карандашными подчеркиваниями и записями на полях.

В «Дневнике» А.И. Тургенева, лично знавшего Ф. Гизо, неоднократно встречавшегося и беседовавшего с ним, 29/17 октября 1825 г. сделана запись, свидетельствующая о его огромной симпатии к личности французского историка:

<...> кончил вечер с гр. Раз<умовской> у Гизо в кругу его семейства и друзей <...>. Общество сие напомнило нам семейство Кар<амзиных>. И здесь ум и благородство души отличительные черты: Гизо был factotum не только в Министерстве внутр<енних> дел, но в Министерствах, при Деказе, не имея никакого состояния, кроме жалованья, коего получал до 60 т<ысяч> фр<анков> и квартиру и почести; и все оставил и предпочел бедность перемене правил в управлении. Примеры сии редки в наше время. Теперь живет сочинениями умной жены и своими, сохраняет независимость правил при всей зависимости недостатка в средствах жизни. Предметы разговора менялись, но обращались почти всегда к России... <...> Гизо живет в двух или трех комнатах; в маленькой комнате, где мы едва могли уместиться, кажется и спальня их, а подле ее уютная столовая, или прихожая, как угодно. Но совесть его спокойна...³

¹ В 1826 г. в компании с А. и С. Тургеневыми поэт изучает «Историю французской революции» Минье и «Историю английской революции» Гизо. О совместном чтении этих произведений А.И. Тургенев писал 17 октября 1826 г. Н.И.Тургеневу: «После обеда обыкновенно читаем мы все трое вместе: я чтец, а Жуковский и брат слушатели» (*Янушкевич А.С.* Указ. соч. С. 120).

² *Guizot François Pierre Guillaume. Cours d'histoire moderne. Par M. Guizot. Histoire générale de la civilisation en Europe depuis la chute de l'empire romain jusqu'à révolution française.* Paris, 1828. Текст этого сочинения цитируется по русскому переводу: *Гизо Франсуа.* История цивилизации в Европе. Минск, 2005, с указанием в скобках: *Guizot F.*, номера лекции и страницы вышеописанного французского издания.

³ *Тургенев А.И.* Хроника русского. Дневники (1825–1826). М.; Л., 1964. С. 334. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием в скобках: *Тургенев* и номера страницы.

В «Хронике русского» (Париж), опубликованной в «Современнике» 1836 г. (Т. IV), А.И. Тургенев дал высокую оценку деятельности Ф. Гизо:

<...> знаменитого, блестящего представителя не только французской учености, но и европейского всеобщего просвещения. Он редкое явление во Франции: Гизо не чужды ни одна из словесностей, ни одна из цивилизаций, коими Европа сделалась Европою. Он знает немцев и их общие идеи, их теории; он историк Англии; он оратор и министр Франции <...> (Тургенев. С. 93–94).

О трудах Ф. Гизо с подчеркнутым уважением в 1830 г. в статье «Обозрение русской словесности 1829 года» писал сын Елагиной И.В. Киреевский:

Литературно-критические сочинения Гизо обнаруживают еще не примиренную борьбу нового германского учения с прежними мнениями французов; но исторические его лекции дышат системою связною, полною, глубокою и занятою совершенно у новейших немецких философов, хотя новое развитие сей системы, его полнейшее и часто гениальное применение к жизни средних веков, делают Гизо одним из оригинальнейших французских мыслителей¹.

Имя лорда Росселя упоминается в Дневнике Тургенева 2 (14) февраля 1826 г. в связи с посещением выставки британских художников в Британском институте (Лондон):

Большая картина <...> изображает суд над лордом Вильгельмом Русселем (The trial of Wiliam Lord Russel, at the Old Bailey) в 1683 году, писанная Hayter'ом. Подсудимый изображен говорящим, и на лице его выражены твердость духа и негодование. Внизу женщина записывает, кажется, слова его и страшится пропустить смелые опровержения доносчиков, кои на особой <скамье> шепчут друг с другом. Не зная еще ни предмета картины, ни значения лиц, на ней изображенных, я угадал жену его (Lady Rashel Russel), по вниманию ее, по участию, которое выражено в глазах ее, устрем-

¹ Киреевский И.В. Обозрение русской словесности 1829 года // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 68.

ленных к говорящему. В расположении комнаты, в костюме – нет никакой перемены. Кажется, и теперь видишь то же в Old Bailey, что было при лорде Русселе, изменился токмо один дух народа, свободою и законами возрожденного (Тургенев. С. 420).

Описание картины проникнуто симпатией Тургенева к государственному «преступнику» (в лице отмечаются «твердость духа и негодование») и его верной жене. В заключительной строке делается намек на высокую цель деятельности Росселя во имя английского народа, дух которого, по словам Тургенева, возрожден «свободою и законами». Если принять во внимание дату записи – февраль 1826 г., когда в России шел процесс над декабристами, в списке которых был означен и Николай Иванович Тургенев, то в тургеневском описании картины легко угадывается его политическая аллюзионность.

Таким образом, личность и судьба лорда Росселя, участника противоправительственного заговора в Англии 1683 г., в восприятии А.И. Тургенева, ближайшего друга В.А. Жуковского и А.П. Елагиной, брата декабриста Николая Тургенева, была в 1826 г. соотносена с событиями в России. Но эта политическая по содержанию аналогия носила скрытый характер. Можно добавить, что в книге «История цивилизации в Европе» (1828) из собрания библиотеки Жуковского, испещренной пометами в первых шести лекциях, в 13-й лекции дана характеристика деятельности Росселя и его партии¹, но это рассуждение не отмечено.

¹ Ср.: «Наступило, однако, время, когда продажность, низкопоклонность, пренебрежение народных прав и чести, постоянно увеличиваясь, сделались решительно невыносимыми для народа. Против правительства придворной партии произошло всеобщее восстание. В палате общин образовалась партия, носящая название национальной. Ее предводителей король решил назначить своими советниками. Тогда власть перешла в руки лорда Эссекса, отец которого, лорд Кэмпбелл, был одним из добродетельнейших роялистских мучеников во время междоусобной войны, лорд Уильям Россель и лорд Шефтсбери, который, имея нравственных качеств Эссекса и Росселя, превосходил их в политическом искусстве. Но, приняв на себя управление страной, национальная партия оказалась неспособною к этому. Она не сумела овладеть нравственными силами страны и не сумела избежать столкновения с интересами, привычками, предрассудками короля, придворных и других людей, с которыми ей приходилось иметь дело. Ни королю, ни народу она не внушила высокого мнения о своей энергии и ловкости; после кратковременного владычества она потеряла окон-

Однако повышенный интерес Ф. Гизо к истории лорда Росселя и его новое обращение к ней в середине 1850-х гг. не остались в России без внимания. В 1855 г., после завершения работы над третьей частью «Истории революции в Англии» (1854), Гизо напечатал очерк «L'Amour dans le mariage» («Любовь в супружестве»). Именно этот очерк был переведен в Петрищеве и явился важным документом, характеризующим общественную и нравственно-философскую позицию недавнего узника – Г.С. Батенькова и его верного друга – А.П. Елагиной.

Судя по письмам к Жуковскому, Елагина с момента начавшихся арестов декабристов оказалась в эпицентре драматических событий, разыгравшихся в семьях арестованных. Ее письма полны тревоги, сострадания и надежды облегчить их участь с помощью Жуковского. На протяжении всего 1826 г. она неотступно просила поэта помочь арестованным участникам восстания и их родственникам. Обращаясь к Жуковскому с просьбой «дать какую-нибудь отрадную весть» Н.Н. Шереметевой, у которой был арестован зять – И.Д. Якушкин, Елагина рассматривала участие поэта в спасении декабристов как исполнение нравственного долга:

Но деятельность вашему сердцу необходимое чувство во время скорби других: и я смею просить у вас утешения всякому страдающему. <...> Пускай и к вам кто приходит, тоже не отходит, Бесценная душа моя! – Ежели для меня вы не в лучах, то чуть-чуть недостает: не удивляйтесь, ежели на вас взыскиваю все, что есть лучшего в мире: отрада печальному – ведь и ваше милое сердце все, что есть лучшее в мире: где же искать кроме него то, что только с неба получаем? – Напишите мне, пожалуйста, что-нибудь об Алексее Чер-

чательную неудачу. Доблести ее предводителей, мужество их, геройская смерть возвысили их в истории, и по всей справедливости дали им в ней почетное место; политические способности лучших людей этой партии не соответствовали добродетели их. Они не знали, как воспользоваться властью, оболщения которой не могли испортить их; им не удалось доставить торжество делу, за которое они лишь сумели умереть» (*Гизо Ф. История цивилизации в Европе* Минск, 2005. С. 327–328).

касове, чтобы я могла передать Леночке: они сокрушаются, – Жуковский, ведь это Марья Алексеевны дети (*Переписка*. С. 283)¹.

В апреле 1826 г. Елагина сопроводила письмом к Жуковскому в Петербург Н.Д. Фонвизину, жену заключенного в Петропавловскую крепость декабриста, с тем, чтобы поэт поспособствовал их свиданию. В июле 1826 г., сообщая о предстоящем приезде царя в Москву на коронацию, Елагина замечает: «<...> я увижу вашего воспитанника, и как бы рада была радоваться! Но строгое осуждение растерзало мое сердце; кругом меня отчаяние, стон: матери, жены, братья, все в жестокой скорби» (*Переписка*. С. 290).

Предметом особой тревоги и заботы была судьба Г.С. Батенькова, военного товарища мужа по участию в войне 1812 г. и преданного друга елагинского дома. Письма Батенькова к Елагиным, и лично к Авдотье Петровне, до событий 1825 г., говорят о глубине и искренности их дружбы. Планы жизни «вместе»² основывались на глубоком доверии и взаимопонимании. Елагины ввели Батенькова в круг Жуковского. Поэт и будущий декабрист восторженно отзывались друг о друге³. Елагины были осведомлены о настроении Ба-

¹ Черкасов Алексей Иванович (1799–1855), барон, воспитывался в университетском благородном пансионе, затем в Московском училище для колонновожатых, член Южного общества, арестован 2 января 1826 г., осужден на каторжные работы в Сибирь. Отец его – «Володьковский» барон, И.П. Черкасов, мать – Марья Алексеевна Черкасова, соседка по Долбину и ближайшая приятельница Авдотьи Петровны и Жуковского.

² Ср.: «Если б располагал я свободным капиталом, то не было бы затруднений; я поселился бы около вас и, будучи таким образом *вместе*, по крайней мере по направлению всех средств, считал бы это особенным счастьем. <...> Дети ваши так близки к моему сердцу, как сами вы. <...> Друг ваш, может быть, и мечтатель, но мечты его необходимы для его счастья и покоя. Он любит предполагать в людях нечто выше обыкновенного и уважать душу и сердце, хотя бы все побочное было не так. Как ему хочется, и хотя бы судьба непрерывно зияла злобою» (*Батеньков Г.С. Сочинения и письма*. Иркутск, 1989. Т. 1. С. 151–152. Далее цитаты приводимые по этому изданию, даются с указанием в скобках: *Батеньков 1989* и номера страницы).

³ См. письма Жуковского к Елагиной от 19 мая, 17 июня, 12 ноября 1823 г., 29 декабря 1825 г. (*Переписка*. С. 258, 259, 261, 280) и письма Батенькова к А.А. Елагину от 12 сентября 1822 г., А.А. и А.П. Елагиным от 25 мая 1823 г. и 20 янв. 1825 г., А.А. Елагину от 21 апреля 1825 (*Батеньков 1989*. С. 168, 194).

тенькова – его недовольстве современными порядками¹, решением оставить государственную службу², поисками высокой цели жизни³. В письме от 18 декабря 1825 г. Батеньков сообщал друзьям о своем участии в восстании.

В апреле 1826 г. Елагина спрашивает Жуковского: «Что наш бедный Батеньков? Напишите ко мне одной об нем, если ему дурно» (*Переписка*. С. 285). В письме от 1 мая 1826 г., за несколько дней до отъезда Жуковского за границу, Елагина заклинала помочь Батенькову:

Ежели мой приезд или приезд мужа моего необходимы, чтобы вам действовать, то я, несмотря на мою болезнь, от которой я не выхожу из дому, и на болезнь крестника вашего, явлюсь к вам и буду делать все, что только возможно для нашего спасения. Я говорю *нашего*, вы знаете, сколько сердце мое растерзано его обстоятельством, неужели на *милость* Государя надеяться невозможно? Друг мой, употребите все ваши силы для вашей сестры; я вас никогда ни о чем не просила, теперь я прошу и требую вашего ходатайства (*Переписка*. С. 287).

В тяжелые и роковые дни суда над декабристами, 19 июня 1826 г., Авдотья Петровна писала мужу о решении суда по поводу декабристов, в том числе Батенькова, вступалась за Жуковского, не допуская мысли о его нежелании помочь их другу:

За Жук<овского> обнимаю тебя. Не за моего Жука, о котором ты, не знаю отчего, крепко дурно стал думать, но за позволение

¹ Батеньков – А.П. Елагиной 2 июня 1822 г.: «С некоторого времени мне становится грустно – именно потому, что я как бы отстал от вас, будучи исполнен чистойшею дружбою, беспрестанно желая вырваться из своей неволи, чтоб подышать с вами животворным воздухом свободы, – сижу как безногий на ветхих своих креслах и всасываю яд коварства, зависти, непостоянства, которым все служебное напитано» (*Батеньков 1989*. С. 167).

² Батеньков – А.А. Елагину 13 ноября 1825 г.: «Служить более я не намерен» (Там же. С. 207).

³ Батеньков – А.П. Елагиной 9 апр. 1825 г.: «Никогда я не спрашивал так часто, как ныне, самого себя: для чего я живу? для чего я тружусь? для чего я борюсь? для чего я... и проч. и проч.» (Там же. С. 194).

сделать возможное для его питомца. <...> Все эти дни я расстроена была печатным донесением следств<енной> Комиссии. Оттого и в среду ничего не написала. Ему не спастись! Но даже по обвинению видно, что у него есть враги, которые его губят; везде слова и больше ничего. – Штейнгель мерзавец, кажется, он всех больше на него показывал. – Надобно иметь в готовности некоторую сумму, на всякий случай, авось ему пригодится! – Слава Богу! что мы дом не купили! – Нельзя прояснить, какое ужасное чувство потрясло душу, когда увидела имя его *печатное* и как! С тех пор, точно глядеть ни на кого не хочется, и как-то стыдно; хотя он невинен! точно невинен! Что он желал, того желать должен всякий благонамеренный человек. – Но я от *суда* ничего не надеюсь. Его хотят погубить! – Боже мой! Неужели для того сохранил его от 13 ран штыками, от смерти за Отечество!¹

В письме определенно выражены солидарность Елагиной с Батеньковым и признание правоты его дела («Он невинен! точно невинен! Что он желал, того желать должен всякий благонамеренный человек»). В своей оценке она руководствуется не столько логикой, сколько чувством любви и протеста против несправедливости: «Боже мой! Неужели для того сохранил его от 13 ран штыками, от смерти за Отечество!»

Однако в основе отношения Елагиной к декабристам, сохранившегося до конца жизни, лежало не просто милосердное сострадание, а понимание исторической значимости попытки лучших представителей дворянства преобразовать современную русскую жизнь. Ее точка зрения совпадала с оценкой декабристского движения, данной Батеньковым в показании от 18 марта 1826 г.:

Покушение 14 декабря не мятеж, как, к стыду моему, именовал я его несколько раз, но первый в России опыт революции политической, почтенный в бытописаниях и в глазах других просвещенных народов. Чем менее была горсть людей, его предпринявшая, тем славнее для них; ибо, хотя по несоразмерности сил и по недостатку

¹ РГБ. Ф. 99. Картон 1. № 12. Л.11 об. Курсивом обозначены подчеркивания в рукописи.

лиц, готовых для подобных дел, глас свободы раздавался не долее нескольких часов, но и то приятно, что он раздавался¹.

В основе оценки Батенькова лежит идея общественного прогресса, получившая развитие в русской исторической мысли 20–30-х гг. XIX в. не без влияния работ Ф. Гизо. Так, в книге, хранящейся в библиотеке Жуковского, подчеркнута рассуждение французского историка о тесной взаимосвязи развития общества и развития личности:

<...> развитие внутренней природы человека служило вместе с тем на пользу обществу, и наоборот, всякое значительное развитие общественного быта – на пользу человека (*Guizot F., I. С. 23*)².

Именно участие в судьбе Батенькова прочно связало Елагины с декабристами. Слова Батенькова, обращенные к А.П. Елагиной в первом письме по приезде в Томск, куда он был переведен на поселение из Петропавловской крепости в 1846 г. после 20-летнего заключения в одиночной камере, подтверждают право Елагиной на статус декабристки:

Прекрасная, нежная женщина, кому, как не тебе, меня услышать? Кому, как не тебе, понять, сколько наполнена мысль моя чистым небесным светом, когда говорю с тобою. Видишь, могу еще веселиться и радоваться... для тебя и с тобою (*Батеньков 1989. С. 219*).

¹ *Восстание декабристов: материалы. М., 1976. Т. 14. С. 90–91.*

² И далее на полях отчеркнут тезис о «причине появления великих реформаторов»: «Когда в человеке происходит нравственный переворот, когда в нем развивается новая идея, новая добродетель, новая способность – словом, когда он развивается лично, – какая потребность пробуждается в нем прежде всего? Потребность проявить свои чувства во внешнем мире, осуществить свою мысль вне себя. Едва только человек по своему собственному убеждению приобрел новую способность, новую силу, как в нем немедленно пробуждается идея долга: инстинктивное чувство, внутренний голос обязывает, побуждает его распространить перемену, улучшение, совершившееся в нем, сделать их господствующими вне его самого» (*Guizot F. I. С. 24–25*).

Томские письма Батенькова к Елагиной содержат уникальный материал как для характеристики мировоззрения декабриста¹, его занятий, условий пребывания в Сибири², так и для состояния духовной жизни А.П. Елагиной. Сквозная тема переписки – сохранение дружества, единства взглядов в вопросах религии и морали. Размышления Батенькова носят нравственно-философский характер и касаются в первую очередь проблем духовного развития, нравственного совершенствования человека. Источники эволюции общества он видит в успехах науки, но более – в овладении христианской верой. Религия понимается им как проявление высших законов бытия человека, в том числе и исторических. Батеньковым создается учение о «циклах» «драматического» развития, в основе которого лежит Божье Провидение. Этот закон движения распространяется и на личную жизнь человека, и на общество в целом, и на «духовную громаду» «всей Солнечной системы» (*Батеньков 1989. С. 298*). Не без горечи, но со смиренным и мужественным признанием непреложности этого драматически действующего закона Батеньков пишет Елагиной (14 мая 1854 г.), касаясь их личной жизни, отразившей в себе историю целого поколения:

Хотя антракт наш был слишком длинен, декорации радикально изменились, и мы с поднятою завесою прямо шагнули от юности к старости. Но без того наша драма, может быть, не имела бы завязки и содержания и кончилась бы обычным гробом без почувствованной потребности в христианском эпилоге. <...> Драма может быть в картине, в биографии – да и не драма ли вся народная история? (*Батеньков 1989. С. 297*).

Концепция исторического прогресса, выраженная в философской системе Батенькова в форме религиозно-идеалистических категорий, в основе своей сохраняет генетическое родство с идеями немецких и французских историков (в том числе и Ф. Гизо) о цивили-

¹ См.: *Брегман А.А.* Декабрист Гавриил Степанович Батеньков // Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Иркутск, 1989. Т. 1. С. 3–89; *Канунова Ф.З.* Томск в литературной судьбе Г.С. Батенькова // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 39–58; *Юшковский В.Д.* Декабрист Г.С. Батеньков и его творческое наследие // Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Т. 2. С. 3–88.

² См.: *Юшковский В.Д.* Батеньков в Томске. Томск, 2007.

зации как процессе накопления человеческого опыта на пути совершенствования общества и личности. Понимание религии в философской системе Батенькова соотносится с концепцией Ф. Гизо о том, что «религия представляется не чисто индивидуальным фактом, а могучим источником общественности» (*Guizot F. 5. С. 122*)¹. В письме Елагиной (28 декабря 1854 г.) Батеньков утверждает совершенствование духовного начала личности как условие общения и понимания людей:

Я люблю ход жизни сколько можно более драматичный. Чувство мое всегда участвует в событиях, а ум группирует их и организует. Так бы и желал непрестанно творить. Крайне боюсь пошлой обыденности и, ежели не на кого действовать, действую на себя. Эта среда ко мне всегда ближе и благодарнее: я положил себе задачей приготовиться к переходу в другой мир и стою на том, что «Я» должно все собирать в себя, одеться сколько можно чище и богаче, а уничтожиться оно никак не может и все, что ему принадлежит, неизбежно перенесет с собою (*Батеньков 1989. С. 326–327*).

Нравственный максимализм, высказываемый в обсуждении вопросов нравственности, исполнения долга, сохранения достоинства, связей и дружбы между сосланными декабристами², показывал, что дух Батенькова не сломлен, достоинство не потеряно – и в этом Елагина была его единомышленницей.

¹ В издании Гизо из библиотеки В.А. Жуковского (*Guizot François Pierre Guillaume. Cours d'histoire moderne. Par M. Guizot. Histoire générale de la civilisation en Europe depuis la chute de l'empire romain jusqu'à révolution française. Paris, 1828*) подчеркнуто рассуждение об «области религии»: «<...> с одной стороны, сама человеческая природа, с другой – необходимость найти происхождение – цель нравственности составляют неиссякаемые источники религии. Область религии содержит в себе не одно только простое чувство <...> она представляет совокупность: 1) учений, возбужденных вопросами, которые носит в себе человек; 2) правил, соответствующих этим учениям и дающих смысл и силу естественной нравственности, и, наконец, 3) обещаний, обращенных к надеждам человека на будущую жизнь» (*Guizot F. 5. С. 7*).

² Батеньков переписывался из Томска с И.И. Пуцциным, В.Ф. Раевским, Е.П. Оболенским, С.П. Трубецким, И.Д. Якушкиным, В.И. Штейнгейлем, находившимися на поселении в Ялуторовске и Иркутске; в Томске Батеньков встретился с Е.И. Якушкиным, начавшим собирать воспоминания декабристов.

Тридцать лет (1825–1855 – от восстания декабристов до публикации очерка Гизо во Франции) и последующее десятилетие вместили в жизнь А.П. Елагиной много событий, перемешавших личное и общественное, в том числе потери близких: смерть мужа А.А. Елагина, в 1852 г. смерть В.А. Жуковского, в 1856 г. умерли два старших сына – Иван и Петр Киреевские. Но в том же 1856 г. из сибирской ссылки вернулся декабрист Г.С. Батеньков и поселился в имении А.П. Елагиной в селе Петрищево Белевского уезда. Возвращение декабристов из Сибири, начало сборов материалов – воспоминаний о пребывании в ссылке Е.И. Якушкиным, сыном декабриста, внуком Н.Н. Шереметевой, юным другом Г.С. Батенькова – все это подняло новую волну внимания к их судьбе и подвигу жен-декабристок, среди которых были хорошо известные Елагиной и Батенькову Н.Д. Фонвизина (урожденная Апухтина, которой когда-то Жуковский написал стихи на ее 8-летие¹); А.Г. Муравьева, урожденная Чернышева, невестка Екатерины Федоровны Муравьевой; Елизавета Петровна Нарышкина (урожденная Коновницына).

Современница исторической эпохи 1830–1840-х гг., дружившая с М.П. Погодиным и Т.Н. Грановским, мать Киреевских – философа и фольклориста, историков (молодых братьев Елагиных), известная как переводчица отрывка из биографии друга Шеллинга и Шлейермахера немецкого философа Стефенса², произведений Жан-Поля Рихтера, педагогических трудов М. Эджворт, «статьи о Троянской войне и повестей Гофмана»³, Авдотья Петровна разделяла интерес Батенькова к «историческому очерку» Ф. Гизо об эпохе Карла II. Художественная интуиция и культура позволяли ей вникать в смысл исторических закономерностей и открывали возможности использовать историю для интерпретации современности.

Побуждающей и поддерживающей желание авторов перевода

¹ Имение Н.Д. Фонвизиной в с. Марьино Бронницкого уезда Московской губернии, как и дом в Москве, где она поселилась после смерти второго мужа, И.И. Пущина, в 1857 г., было местом частого посещения возвращавшихся из Сибири декабристов, в том числе и Г.С. Батенькова. См. об этом: Из воспоминаний М.Д. Францевой // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1958. С. 400–403.

² *Жизнь Стефенса* // Москвитянин. 1845. № 1, ч. 1. Отд. иностр. слов. С. 1–52; № 2. С. 1–44; № 3. С. 1–46.

³ *Пирожкова Т.Ф.* Славянофильская журналистика. М., 1997. С. 46.

очерка Гизо «Любовь в супружестве» поэтически воссоздать портрет героя, воплощавшего в себе реальные черты и драму целого поколения, была установка Гизо на обращение к реальному историческому лицу, о чем автор говорит в самом начале очерка:

Мы хотим романов: для чего не вникаем ближе в историю? там такая же жизнь человеческая, жизнь внутренняя со всеми разнообразными явлениями, сердце со всеми живыми страстями, со всеми сладостными и скорбными чувствами, и что всего важнее, там привлекательность истины. – Я наслаждаюсь созданиями воображения, этой творческой силой, вызывающей из ничтожества лица, одушевляющей, украшающей их, заставляющей развить все богатства души посреди всех перемен рока; но люди, действительно жившие, действительно перенесшие удары судьбы, эти страсти, эти радости, эти скорби, которых зрелище так потрясает нас, гораздо сильнее меня поражают, нежели самые совершенные поэтические и романтические создания. Живое существо, созданное Господом, когда оно предстоит перед нами со всеми божественными чертами своими, красивее всех созданий человеческих. Изучая Английскую революцию, я нашел два события, которые интереснее всех романов: Короля, хотящего в супружестве найти любовь, и любовь в супружестве вельможи Христианина. Тут частная жизнь с ее прелестными и горестными тайнами в лице особ знатных посреди самых верных событий общественной жизни. Со временем расскажу о Короле, теперь хочу изобразить семейную жизнь вельможи¹.

¹ *Елагина А.П.* Любовь в супружестве: исторический очерк // Автограф. РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 3. № 2. Л. 1. Далее в тексте цитаты даются по этому автографу с указанием в скобках: *Елагина 1* и номер листа рукописи. Обращение к очерку Ф. Гизо интересно и с литературной точки зрения. В жанровом своеобразии «исторического очерка» проявились эстетические закономерности, характерные для эпохи романтизма в его движении к познанию реальной жизни. Речь идет о сочетании исторически хроникального повествования, требовавшего реальных фактов, сюжета, начинающегося с предыстории героев, объяснений и отступлений, со стремлением психологически точно изобразить «внутреннюю жизнь лорда и леди Россель, их личные отношения и взаимные чувства в счастливые и скорбные дни их жизни» (*Елагина 1*. С. 14), что повлекло, в свою очередь, введение в произведение дневников, переписки между героями. Проблема синтеза истории и литературы, волновавшая французских историков эпохи романтизма 1820–1830-х гг., получила развитие в «историческом очерке» Ф. Гизо,

Духовный облик героя очерка, графа Росселя, представляющего государственную элиту Англии, напрямую соотносится с личностью Батенькова: «великодушный, чистый сердцем, добродетельный ко всем, с разумом возвышенным» (*Елагина I. Л. 11 об.*). В отношении Росселя Гизо занимает объективную позицию, не умалчивая о слабых сторонах его личности (говоря о «разуме возвышенном, но не прозорливом»), о «характере упрямом, хотя не сильным, способном увлекаться, подчиняться и вдаться в обман» (*Елагина I. Л. 11 об.*). Однако залог драматической судьбы Росселя Гизо видит в исторических обстоятельствах, требовавших изменений, и в появлении личности, пытавшейся, но не сумевшей эти изменения осуществить:

Воспоминания революционных времен, реакция против их правил, действий и действующих лиц занимали всех. Карл II и двор его с бесстыдным эгоизмом пользовались этою страстно преданностью, и скоро излишнее употребление истребило ее. Пороки их, требования, ошибки возбудили новые вопросы и новые страсти. Исчезли прежние роялисты, люди, служившие Карлу I, и сражавшиеся с Кромвелем. Новые люди и под их предводительством новые партии взошли на сцену: партия Короля и партия отечества (*Елагина I. Л. 11*).

Лорд Россель, готовый предать себя за народ, пленял его и свою партию тем, что почти всегда делил их предубеждения, их страсти, ослепления и увлечения; высший всех нравственным достоинством, он всем был равен чувствами и разумом. Скоро он сделался самым популярным человеком во всем государстве, самым уважаемым (*Елагина I. Л. 11 об.*).

Однако заговор был раскрыт – граф Россель приговорен к смертной казни. Решение суда граф принял мужественно, благодаря судьбу за то, что в решающие минуты рядом с ним оказалась дос-

написанном уже в эпоху реализма во французской литературе. На особенный интерес французской литературы к проблемам текущей жизни указывал И.В. Киреевский в рассуждении об исторических трудах Ф. Гизо: «Есть, однако, в литературе французской такое качество, которое отличает ее от всех других, обещает много для будущего и самим подражаниям дает цвет оригинальности: это тесная связь литературы с жизнью» (*Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 68*).

тойная и любящая его женщина. Перед казнью леди Россель с детьми посетила мужа:

В десять часов он встал, взял Леди Россель за руку, поцеловал раза четыре, оба молчали, дрожали и глядели друг на друга с полными слез глазами, но слезы не падали. – Они уехали. «Теперь вся горечь смерти миновала», – сказал Граф Россель Бурнету и предался полному излиянию чувств своих. «Какое она была мне благословение, – говорил он. – Что бы со мною было, если б с любовью ко мне она не соединила такой же великости души, которая не допускала ее делать малейшей слабости, малейшей уступки для спасения моей жизни! (Елагина I. Л. 16 об).

Особым ореолом овеян в очерке образ его жены – графини Россель, у которой, как сказано в переводе, «было такое же гордое сердце и горячая забота о деле Отечества, но разум ее был свободнее, прямее, беспристрастнее и пронизательнее» (Елагина I. Л. 12). Большая часть очерка посвящена героине. Описание ее поведения напоминает страницы письма Елагиной Жуковскому о поездке Фонвизиной в Петербург:

Как скоро муж ее был заключен, леди Россель ревностно, страстно, без усталости, употребляла все старания, могущие служить ему на пользу. В течение двух недель, протекших между заключением его и осуждением, она ездила, хлопотала, писала неутомимо, собирала сведения, ободряла истинных друзей, возбуждала сочувствие равнодушных и готовила пути к спасению на случай верховного несчастья (Елагина I. Л. 14).

Сдержанно рассказано о жизни леди Россель после казни мужа:

Она осталась верна убеждениям лорда Росселя, так же, как и его памяти, и в уединении своем заботилась непрестанно о той религиозной и политической свободе, о тех же вопросах, о которых, вероятно, при нем были их общая забота и живая взаимная беседа (Елагина I. Л. 23).

Созданный Ф. Гизо образ леди Россель привлек внимание переводчиков не только схожестью исторической ситуации и судеб английской и русских героинь, но и близостью самого взгляда авторов на роль женщины в жизни общества. Важным этапом на пути формирования концепции участия женщины в жизни общества явился перевод Елагиной эссе «О милосердии, о христианской любви в жизни женщины» Элизы Гизо¹. Два этих произведения представляют в своем единстве практическую и теоретическую разработку нравственно-философской по содержанию концепции «семейного» вопроса в процессе исторического развития общества². Особенность решения вопроса о миссии женщины заключалась в том, что понятие «семейного» круга включало у Елагиной постановку проблемы личности и наполнялось общественным содержанием. «Милосердие» и «любовь» как отличительные черты женской природы обрели смысл и ценность, будучи связанными с такими понятиями, как человечность, нравственное достоинство, долг и Отечество.

В эссе Элизы Гизо получили воплощение идеи французских доктринеров во главе с Ф. Гизо, сформировавшиеся во второй половине 1820-х гг.: требования справедливости и либеральных свобод для человека сочетались с неприятием решительных (революционных) действий по их достижению. Автор эссе, просвещенная аристократ-

¹ *Елагина А.П.* О милосердии, о христианской любви в жизни женщины. Записка А.П. Елагиной. Писана в 1828-м году Грегу Гизо. Список рукой Марии Васильевны Киреевской // Автограф. РГАЛИ. Ф. 236, Оп. 3. Л. 1–6 с оборотами. Далее в тексте цитаты даются по этому автографу с указанием в скобках: *Елагина 2* и номер листа рукописи.

² Нельзя не обратить внимания на большое сходство в содержании и в манере письма авторов двух этих произведений, начиная со вступления: «Мы часто слышим, что женщины жалуются на ограниченность поприща, в котором заключена их жизнь; они сравнивают ее с обширной и многообразной деятельностью мужской жизни, винят законы общества и почти обвиняют Провидение, давшее им на долю безвестность и бездействие. Откуда, из какой среды поднимаются эти жалобы, эти упреки? из того ли круга, где женщины страдают часто от грубости мужей, где жизнь их бывает в опасности от частых побоев, где пьянство довело семью до крайней нищеты, где дети плачут и не имеют хлеба? – нет, женщины, несущие такое бремя, недовольно праздны умом, чтобы чувствовать тесноту поприща, предназначенного им Божией волей, и когда случится думать о судьбе своей, то молят о покое, а не о деятельности» (*Елагина 2*. Л. 1).

ка, отмечает социальное неравенство в обществе, разделенном на богатых и бедных. Цель деятельности женщины, по мысли автора, состоит не только в сохранении семейного очага, но и в помощи слабым и угнетенным, в стремлении к торжеству принципа справедливости:

Справедливость ко всем, симпатия ко всем, желание счастья и достоинства всем, одним словом: человечество, в самом широком смысле, вот святая и могущественная идея (*Елагина 2. Л. 3*).

В понимании идеи справедливости автор опирается на «прошедший век», но при этом с ужасом произносит слово «равенство», в котором деятели Французской революции «исказили, обезобразили, затемнили, сделали ненавистной и безнравственной» идею справедливости» (*Елагина 2. Л. 6*). Равенству революции противопоставляется братство на основе христианской веры. Только милосердной любовью можно совершенствовать человеческое общество:

<...> человек требует не одного золота, он требует, чтобы его признали, любили, считали братом; мы одни можем доставить это утешение, истребить все, что есть горького в неравенстве; мы пойдем к нищему, и он увидит, что в этих комнатах, коих роскошь обирает его, живут люди, заботящиеся о нем, всем сердцем покушающиеся наслаждать его участь (*Елагина 2. Л. 6*).

Центральная идея эссе о милосердной любви, в основе которой лежит уважение к человеческому достоинству, деятельное участие в судьбе страдающих и сознание необходимости исполнения нравственного долга, была близка Елагиной, определяла ее моральный кодекс и получила яркое и глубокое воплощение в ее отношении к декабристам. ср. у Гизо:

Господь избавил нас от материальной необходимости труда, но свободны ли мы от нравственной обязанности работать? Мы не призваны распоряжаться делами Отечества, но разве не имеем перед ним ответственности? (*Елагина 2. Л. 1 об. – 2*).

Таким образом, обращение А.П. Елагиной и Г.С. Батенькова к трудам Ф. Гизо было связано со стремлением осмыслить важное историческое событие русской жизни первой половины XIX в. Актуализируя нравственно-философский и религиозный аспекты проблемы свободы личности и ее участия в развитии общества на материале «семейных» отношений, Елагина и Батеньков, впитавшие в себя дух исторического мышления эпохи Жуковского, по-своему «прочитали» Ф. Гизо, внося свой вклад в развитие русской общественной мысли и творческое освоение европейской науки.

А.П. Елагина

**ЛЮБОВЬ В СУПРУЖЕСТВЕ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК¹**

1

Мы хотим романов: для чего не вникаем ближе в историю? там такая же жизнь человеческая, жизнь внутренняя со всеми разнообразными явлениями, сердце со всеми живыми страстями, со всеми сладостными и скорбными чувствами, и что всего важнее, там привлекательность истины. – Я наслаждаюсь созданиями воображения, этой творческой силой, вызывающей из ничтожества лица, одушевляющей, украшающей их, заставляющей развить все богатства души посреди всех перемен рока; но люди, действительно жившие, действительно перенесшие удары судьбы, эти страсти, эти радости, эти скорби, которых зрелище так потрясает нас, гораздо сильнее меня поражают, нежели самые совершенные поэтические и романтические создания. Живое существо, создание Господа, когда оно предстает перед нами со всеми божественными чертами своими, красивее всех созданий человеческих.

Изучая Англинскую революцию, я нашел два события, которые интереснее всех романов: Короля, хотящего в супружестве найти любовь, и любовь в супружестве вельможи Христианина. Тут частная жизнь с ее прелестными и горестными тайнами в лице особ знатных посреди самых верных событий общественной жизни. Со временем расскажу о Короле, теперь хочу изобразить семейную жизнь вельможи.

2

Между советниками и защитниками Карла I во время его несчастья Фома Вриотеслей, Граф Сутамптон, отличался своей верностью

¹ РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 3. № 2. Л. 1–34 с оборотами. Текст перевода печатается с сохранением особенностей транскрипции варваризмов, топонимов и антропонимов, пунктуация приведена к современной норме.

и независимостью. По склонности, он не любил ни двора, ни власти, ни собственной своей знатности. Он был меньшей сын, но смерть отца и старшего брата, случившиеся почти в одно время, доставили ему вдруг и величие и богатство. Он долго смущался, краснел и отворачивал голову, когда его называли: «Милорд!». Нраву меланхолического, беспечного, гордого, но страстного, скромного и молчаливого, он упорно держался своих мнений; за них готов был жертвовать всем и явно бороться с противником. Он не был ни честолюбив, ни властолюбив, не скоро предавался надеждам, не гнался за успехом и только по необходимости или по долгу оставлял тихое свое уединение. Когда началась борьба между долгим парламентом и Карлом Первым, Лорд Сутамптон занял свое место в палате пэров, с враждебным расположением к действиям и требованиям Короля и министров, особливо к Лорду Стратфорту. Как истинный англичанин, он требовал уважения к законам, к преданиям старины и вмешательства парламента в дела государственные.

Христианин кроткий и справедливый, если свободу совести не почитал правом каждого человека, то преследование совести возмущало его. – При открытии долгого парламента он часто подавал голос против короля и епископов, стоял за исправление злоупотреблений, за наказание насилий религиозного и политического деспотизма. Он редко являлся ко двору, где его и друга его графа Эссекса почитали недовольными и возмутителями. Но когда стала бушевать ярость народа, когда появились беззаконные вспышки Парламента, когда нарушен был закон и новые деспоты угрожали монархии, тогда он тотчас взял место посреди защитников и даже служителей Короля; взял это место без надежды и доверенности, но с гордою совестливостью. Без всякого расчета партий, без систематического плана, не заботясь о преобразовании государственной конституции в будущем, он в настоящем сражался с несправедливостью, с беззаконием, с беспорядком и насилием, не внимая отвлеченным правилам и далеким надеждам, для которых позволялось зло. Поступки Парламента против Лорда Стратфорта казались ему слишком произвольными и осуждение его жестоким: он стал защищать Лорда Стратфорта, которого обвинял прежде. Камера решила, что членам неприлично служить лично Королю, тогда он принял (хотя с неудовольствием) место тайного советника и камергера. Загорелась междоусобная война, он ненавидел ее и никому не ожидал счастливой

победы, но тотчас явился в армии Королевской, был в Эдрегильском сражении и следовал в Оксфорд за двором, который все больше и больше внушал ему отвращение. Тут сохранял он всю свою независимость и непоколебимо чуткую гордость. Однажды в совете он довольно резко осуждал Принца Роберта и надменные пререкания его с Англинскими вельможами. Принцу пересказали его слова с прибавлением, как всегда в подобных случаях водится; он велел спросить Графа, правда ли это? «Правда», – отвечал Граф и повторил сказанное им прежде в точности. Роберт счел себя оскорбленным и приказал сказать, что надеется на скорое удовлетворение, на коне и со шпагою в руках. «Какое выбираете оружие?» – спросил Принц. «Здесь у меня нет лошади, – отвечал Граф, – и не знаю, у кого достать годную, к тому же я слаб и слишком мал ростом, чтобы таким образом сражаться с Вашим Высочеством. Прошу вас извинить меня и позволить выбрать оружие, которым могу действовать: я буду драться пешком и на пистолетах». Роберт без затруднения согласился тотчас, выбрали секундантов и назначили дуэль на другой день. Но слух о том распространился везде, Лорды, заседающие в Совете, вступились, заперли городские ворота, позвали секундантов и с их помощью примирили Графа с Принцем Робертом, который с тех пор оказывал ему величайшее уважение.

Междуусобные войны кончились. Король подпал под власть Парламента. Лорд Сутамптон ревностно искал случая приблизиться к нему и средства услужить ему. Когда это не удалось, когда процесс, осуждение и казнь Короля не оставили уже ни надежды, ни возможности действовать, лорд Сутамптон не почел себя освобожденным от всякой обязанности к своему Государю.

18 февраля 1649-го, день, в который тело Карла I-го привезено в Виндзор для погребения, Лорд Сутамптон с тремя другими провожал до входа в погребальный склеп гроб Государя, которого не мог ни научить, ни спасти. Сильный снег пошел неожиданно, бархатный черный покров, положенный на гроб, казался совершенно белым, символ невинности, поразивший верных служителей. Пока уничтожена была власть Королевская и продолжалась республика с Кромвелем, Граф Сутамптон жил уединенно в своем замке Тишфильд, в Гампшире. Удалясь от заговоров своей партии, также как и от новых властей Англии, неизменно верный изгнаннику Карлу II, он передавал ему полезные уведомления и все деньги, которыми мог распола-

гать: его доходы были много уменьшены налогами и секвестерами; он не принял участия ни в попытках восстания роялистов, ни в союзе с неудовлетворенными республиканцами, ни в сношениях с иностранными властями. Здравый его смысл, врожденная склонность к покою и ревностный патриотизм согласовались для этого честного бездействия. Однажды ему дали знать, что Кромвель приехал в Гампшир, по случаю женитьбы сына его Ричарда, и намерен удивить его своим посещением, Лорд Сутамптон немедленно выехал из своего замка и возвратился тогда только, когда Кромвель удалился из Графства. По возвращению Короля Лорд Сутамптон [забыл] прекратил свою неподвижность и явился в первом ряду между вельможами и прежними советниками Карла I-го, которых роялисты призывали к правлению. Он был лучшим другом канцлера Гида, обладавшего в то время всею доверенностью Карла Второго. Гид был наименован Графом Кларендоном и великим Канцлером, в то же время Лорд Сутамптон Казнохранителем Государства. В течение семи лет оба друга, соединенные убеждениями и правилами, но совершенно различные характерами, управляли с горьким трудом и почти безуспешно Королем, безнравственным, порочным, не умеющим любить, двором развратным и хитрым, партией недовольной, хотя победоносной, и народом суровым, угнетенным и раздраженным. Кларендон, честолюбивый, страстно приверженный к своей церкви, к вере, власти, знатности, яростно боролся против новых и старых врагов и против исчезающей благосклонности своего царственного питомца, ставшего Королем его. Сутамптон, менее деятельный, охотно предающийся досугу и сну, независимый по сердцу и по уму, сверх того измученный подагрой и каменной болезнью, совестливо исполнял должность свою, но тщетные употреблял усилия для удержания порядка и честности в Государственных финансах. Часто желал он кинуть место, которое занимал без успеха и без удовольствия, Кларендон удерживал его. В конце прошедшего века Франция также видела двух редких добродетельных людей: Тюрго и Мальзерб, соединенных в сильной власти, почти в подобных обстоятельствах. Тюрго был исполнен жаркой ревности к делу, надежды и настойчивости; Мальзерб, неустанно трудящийся, но легко унывающий, был слабее его, он говорил: «Тюрго не пускает меня в отставку, ему хочется, чтобы нас обоих выгнали». И действительно, их обоих выгнали, по слабости Короля доброго, честного, уважав-

шего их, но не умевшего защитить ни их, ни себя самого. Карл II, столь же проницательный, сколько развратный, скоро приметил, что Лорд Сутамптон мало привязан к власти, и хотел этим воспользоваться, чтобы без шума избавиться от беспокойного и независимого советчика, но Кларендон все силы употребил для того, чтобы удержать друга своего вместе с собою, на первых местах, и Лорд Сутамптон до самой смерти остался государственным Казнохранителем. Он умер не в ссылке и не обремененный, подобно великому Канцлеру, несправедливой ненавистью народа и неблагоприятной жестокостью Короля.

3

Он женат был на французенке Рашель де Рювиньи, рожденной от одной из тех благородных семей, которые в XVI веке, без всякой личной выгоды, без всякого желанья богатства или власти, по одному убеждению совести приняли во Франции сторону реформы, сторону слабую и угнетенную при самом ее начале. Во время женитьбы Лорда Сутамптона Нантский Эдикт был в полной силе, но Ришелье, истребляя протестантов как партию политическую, не только не вмешивался в их религиозные права, но, не сомневаясь, употреблял их на разных общественных поприщах, особенно тех, кого считал преданными Королю или ему самому. Мазарини следовал примеру Ришелье, действовал так же мудро в отношении религиозной свободы протестантов, но менее смело в определении их к государственным должностям, хотя спокойный при ограничениях Эдикта протестантизм день ото дня терял во Франции ту силу действия и общего мнения, которые одни обеспечивают свободу. Протестантам не заворачивали храмы, не выгоняли из отечества, но отталкивали в семейную, частную жизнь, где они были как будто чужие. Брат леди Сутамптон, Маркиз Рювиньи, был между протестантами той эпохи один из самых замечательных и самых способных: во время волнений фронды он оказал много деятельности и полезной преданности Королеве Анне и самому Мазарини. Когда усмирившись фронда, Мазарини, желая наградить Рювиньи, дал ему место генерального депутата при народном Синоде французских реформатских церквей. Эта должность соединяла в себе двойное посредничество: дел Короля с протестантами и дел протестантов, относящихся к Королю. Рю-

виньи исполнял эту тяжелую обязанность с искусным рвением, часто не нравился одним партиям, часто казался им подозрительным, но был равно верен и церкви своей и Королю, не заботился о том, что тот или другие были им по очереди недовольны, и старался только сохранить между ними мир и святость прав. Но это поприще не было для него желанной целью жизни: ему хотелось служить в армии или по иностранным дипломатическим посольствам, но для этого от него требовали, чтобы переменял веру. Ему даны были сношения с протестантами, но кроме этой службы всякая другая будущность была для него закрыта. По смерти Мазарини и по водворении Стюартов многочисленные сношения Рювиньи с Англией, связи его с Сутамптонами, с Росселями и другими знатными фамилиями при дворе и в оппозиции доставили ему безо всякого искаательства то, чего он давно так тщетно желал: его много раз употребляли в самые тайные сношения дворов Парижского и Лондонского — то для тайных сношений обоих королей между собою, то для утверждения Людовика XIV над самыми ревностными главами оппозиции в Парламенте. Людовик XIV уважал его искренно, а Карл II показывал к нему явную любовь. Он пишет к сестре своей, Герцогине Орлеанской: «Я сказал Рювиньи все, что было у меня на сердце... Никогда Франция не была лучше к нам расположена, как в то время, когда он сюда был послан». Истинный сын Франции, преданный роялист, ревностный протестант, Рювиньи горячо старался служить отечеству, Королю и вере своей, но не льстил себя прочным успехом в таком трудном положении. Нантский Эдикт еще существовал, но подобно разоренным и покинутым зданиям, ожидал первого удара молотом, чтобы распасться совсем. Внимая общему мнению Франции и неотступным просьбам духовенства, Людовик XIV принял ложную и несчастную мысль, что сила может властвовать над совестью и что единство государства требует единства веры, и потому позволил себе с подданными коварство, которое отверг бы и с чужими, истребляя и тайно и явно гарантии и обещания, данные его предками небольшой части его подданных. Маркиз Рювиньи, служа Королю, видел путь и конечный поход своего труда и решился жертвовать всем для чести своей и для веры; потому старался достать себе и детям натурализацию в Англии. В январе 1680-го он писал к племяннице своей леди Россель: «Отправляю к Вам наши бумаги о вступлении в Англинские подданные; в Ваших руках они

будут вернее, чем в моих. Прошу Вас и вашу сестрицу (леди Елизавету Ноель) сохранить их. Они могут мне понадобиться, обстоятельства всегда так шатки». Недолго обстоятельства оставались шаткими и неверными: пять лет спустя Эдикт Нантский уничтожен. В награду за все услуги и по личной благосклонности Людовика XIV Рювиньи едва мог получить возможность уехать, а не бежать с семьей из отечества, а в 1711-ом году Король отдал аббату Полиняку конфискованное имение сына его, генерала Рювиньи, сделавшегося в Англии Лордом Галвай и вступившего в службу Вильгельма III.

Уничтожение Нантского Эдикта кроме общих последствий отняло у Франции и Короля трех отличных, знаменитых людей, в армии – маршала Шомберга, в морской службе – адмирала Дюкена, а в дипломатии – маркиза Рювиньи.

4

От брака Графа Сутамптона с Рашелью Рювиньи родилась в 1636-м году дочь, названная именем матери Рашель. Происходя от этих двух благородных и совестливых пород, воспитана в английских и французских преданиях благочестия и скромности и проведши молодость посреди важных событий, Рашель получила те сильные нравственные впечатления, которые возвышают душу, не убитую ими. С ранних лет научилась она глубоко сочувствовать несчастьям других и кротко переносить семейные испытания. Она лишилась матери еще в младенчестве. Лорд Сутамптон женился вторично; это была причина многих домашних неудовольствий и часто истинных горестей. Но он нежно любил своих дочерей от первой жены своей, и Рашель не меньше почитала отца. Она видела, как во всех делах он совершенно посвящал себя тому, что считал справедливым, без мечтаний воображения и неволи разума, как в одно и то же время был роялистом и патриотом. Разговоры и действия лорда Сутамптона были проникнуты кротким, свободным благочестием, и ничто не смущало и не рассеивало тех благородных впечатлений, которые слагались в душе дочери живительным примером.

Во время перехода от детства к юности она жила вдали от света, в деревне, в том спокойствии, простоте, общественной возвышенности и благотворительности народной, которая приносит честь христианской аристократии. В 1653-м году ей было семнадцать лет, она

была прекрасна собою, благочестива, весела, способна наслаждаться жизнью мирно, без выпретенных мечтаний, без придуманных радостей и скорбей, принимая одни как милость из руки Божией, другие как уроки, им же посланные. Лорд Воган, старший сын Графа Карбери, стал просить руки ее, почти ее не зная, по согласию родителей между собою. «Этот союз был нами принят, – говорила она одной приятельнице после, – но не избран ни тем, ни другим». Она жила у свекрови в Гольден-гроте, в Валлийской земле, и без усилий, без шума исполняла все обязанности нового своего положения, внушая всем окружающим живую привязанность простотою своей добродетели, веселым нравом и такой кроткой, неизменной добротою, что ей самой говорили о том, как о необыкновенном качестве. «Ничто на свете не сравнится с прелестью постоянной доброты, – писал ей один приятель мужа ее, – а Вы, любезная леди, служите тому примером. Всякий, видя Вас, принужден почитать Вас, и Вас нельзя за то и благодарить, потому что это невольно и иначе быть не может». Так прошло четырнадцать лет, счастливых, тихих, скромных. В 1665-м у нее родился ребенок, который жил недолго. В 1667-м она, уже вдовою, жила у любимой сестры своей, леди Елизаветы Ноэль, в Титфильде, этом отцовском замке, где провела первое детство. Лорд Сутамптон, умирая, оставил дочерям все свое имение: леди Ноэль достался Титфильд, замок Стратон с окружными землями, лежащими также в Гампшире, был уделом леди Воган.

5

В то время молодой человек, тремя годами моложе, чем Леди Воган, Вильям Россель, второй сын герцога Бетфорта, вступал в свет и в жизнь общественную. Он провел три года, путешествуя по континенту, возвратившись в Англию, избран был членом камеры, возведшей Карла II-го снова на престол. Осталось мало следов его жизни и характера в эту эпоху. Одна записка к Г. Торнтону может указать на расположение души его. «Я недавно очнулся после опасной болезни, которая привела меня на край могилы. Молю Бога, возвратить мне здоровье, чтобы благодатью своею помочь употребить жизнь на служение Ему и перенести с пользою посланное испытание». Между тем нравы того времени, пример двора, увлечения юности и, может быть, врожденная беззаботность втянули его в

жизнь небезукоризненную. Многие легкомысленные ссоры были причиной многих дуэлей, не позволяя себе этот верный проступок, набожные чувства воскресали в душе юного Вильяма Росселя вместе с трогательной простотой и простосердечной любовью.

Вот что писал он к отцу, Графу Бетфорту, 1663-го года, 2 июля:

«Милорд! Хотя чувствую в себе столько бодрости, что могу драться с кем бы то ни было, не отчаиваясь в победе, но знаю, что в дуэлях победа зависит от счастья, а не от храбрости и не от правоты дела. Итак, после смерти моей пусть эти строки засвидетельствуют вам, Милорд, хоть немного ту благодарность, которую чувствую, за милость и любовь, всегда мне оказанную. Я ценю их глубоко, и если останусь жив, все силы употреблю, чтобы доказать это на деле. Считаю себя самым счастливым человеком, имея такого отца, и надеюсь, что в будущем Ваше сиятельство не будет несчастлив в сыне Вашем. Милорд, в случае моей смерти (а иначе письмо это не будет в ваших руках) прошу вас вспомнить обо мне и тех людях, которые мне служили. Умоляю вас, постарайтесь, чтобы друг мой Тааф не пострадал за великодушное его вспомоществование в этом деле; он несколько раз доказал мне свою преданную дружбу, и прошу вас отдалить от него всякую неприятность. Не сомневаюсь, что Ваше сиятельство будете добры с слугами моими. Робин, мой первый лакей, служил мне усердно, верно и много со мной терял времени, я желаю, чтобы ему ежегодно выдавали 20 ливров во всю его жизнь. Надеюсь, что вы наградите слугу француза, также мне хорошо служившего. Уверен, что долги мои будут заплачены, и для предупреждения всякого недоразумения означаю их здесь. Я должен сто ливров, еще 40, и еще 4 или 5 ливров Лорду Бруку. Больше не помню никакого долга, разве портному и за мелкие заботы, сделанные прошедшей зимою, счет которым слуга мой доставит Вашему сиятельству.

Не имею времени писать больше и кончаю уверением, что я Вашему сиятельству самый преданный слуга и самый верный сын.

Вильям Россель».

Жизнь не может быть порочна с такой прямой, почтительной, нежной душою. Поведение Вильяма Росселя скоро сравнялось с возвышенностью души его. Вероятно, леди Воган способствовала водворить нравственную гармонию в благодарном юноше, которому сама хотела принадлежать.

Из всех человеческих влияний самое могущественное, самое сладостное есть влияние добродетельной любви. Не осталось никаких подробностей о первых сношениях между ними, одно слово в письме леди Перси, единокровной сестры леди Воган, показывает, что в 1667-м году Вильям Россель был пленен прекрасной вдовой. «Он старался, – писала она, – приобрести сердце, которые многие у него оспаривают». Леди Воган, бездетная, была богатая наследница. Россель, второй сын, не мог ей предложить ни богатства, ни титула и потому был робок и застенчив: но между ними слишком много было природной внутренней симпатии, и светские недоумения и расчеты не могли разъединить их. Брак совершился в 1667-м году, но по обычаям Англинского общества Рашель продолжала называться леди Воган до 1678-го года, до того времени, когда старший брат Вильяма умер и оставил ему в наследство имение и титул Лорда. Вероятно, в наше время леди Воган не стала бы так долго дожидаться, чтобы принять имя любимого ею человека; личные чувства стали теперь господствовать над аристократическим обычаем, и недавно леди Каупер, не задумавшись, кинула титул Графини, чтобы, вышедши за лорда Пальмерстона, принять имя своего мужа.

6

Нет на свете зрелища прекраснее взаимной любви чистой и счастливой. Страстная любовь, этот свободный искренний порыв душевных желаний и сил, так пленительна, что мы смотрим на нее с неизъяснимым удовольствием, даже тогда, когда она является спрятанная с преступными заблуждениями, с тревогами, несчастиями, скорбями; но страсть, развивающаяся в согласии с совестью и проникающая душу радостью, не возмущая ее мира и красоты, – это полное возвеличение нашей природы, удовлетворения в одно время наших божественных и человеческих стремлений: это возвращенный человеку рай. Союз Рашели Бриотеслей и Вильяма Росселя представляет это редкое, восхитительное зрелище. До сего дня Рашель являлась нам тихой, простою, добродетельною без порывов и без усилий, скромно идущей по прямой, обыкновенной дороге жизни: теперь страстная любовь и чувство верховного блаженства наполнили ее сердце; она предается ему с полной свободой и доверительностью, она любит пламенно, невинно и счастлива совершенно.

«Если б я умела хорошо говорить, – пишет она к мужу, – то удовлетворила бы своему чувству, сказавши возлюбленному моему Росселю, каким блаженством наслаждаюсь при каждом новом знаке ежедневной любви его. Так пленительна их сила, что хотя знаю, как мало заслуживаю такое счастье, но не сомневаюсь ни минуты в его любви. По крайней мере, милая жизнь моя, ты, который умеет и любить и помнить, верь крепко, что сердце мое исполнено всей благодарности, всем почтением, всей страстной привязанности, какие только может творение Божие питать к подобному себе человеку». В другом письме восемь лет спустя: «Возлюбленный мой! Никогда плоть и кровь не могут ощущать счастья живее того, которое чувствует Ваша преданная и покорная жена. Очень рада, что тебе нравится Стратон, живи там радостно как можно долее, пятьдесят лет и больше! и да позволит мне Господь все это время наслаждаться твоим милым обществом! Разве только вздумается тебе желать другого, тогда думаю, что охотно оставлю и свет этот, и все на свете, ведь ты будешь беречь наших малюток. Они обе здоровы, и старшая надеется, что ты получил письмо ее!» Потом через год: «Спенсер едет к тому, кого увидеть желала бы больше всего на свете, не могу отпустить этого счастливого смертного, не пославши с ним несколько слов о милой жизни моей. Хочется сказать много, все равно что, лишь бы к нему дошли слова мои. Но письма моего ждут, я и то остановила Спенсера. Писать к тебе отрада моих утренних часов, и написавши, утешаюсь этим в течение дня. Пишу в постели, подушка твоя за мною лежит, тут завтра будет покоиться милая голова твоя, завтра и многие лета еще. Полагаюсь на милость Божию и не боюсь завистников и врагов твоих. Люби меня и позволь мне любить тебя так, как люблю».

Леди Россель не одними словами выказывала любовь свою, но поступками, действиями, в маленьких и больших вещах, сливаясь со всеми его отношениями, желаниями, вкусами; жила с ним в свете, когда он хотел света; в деревне, когда предпочитал деревню, везде заботясь столько же об удовольствиях его, сколько о счастии. Когда им случалось быть розно, что бывало редко, один в Стратоне, другая в Лондоне, то она извещала его обо всех новостях политических и светских, о делах общих друзей, о происшествиях в обществе и писала обо всем этом просто, без умничанья, не стараясь выставиться, стараясь только сообщить ему все, что могло занять его или развеесе-

лить. В мае 1672-го писала она ему из Лондона: «Уверена, что мой возлюбленный Россель хотел сделать мне большое удовольствие, приказав написать ему сегодня по почте, хотя мы расстались только утром: он знал, что мне приятно видеть, что такая поспешность с моей стороны не кажется ему навязчи-востью. Можно этого бояться, потому что во весь этот длинный день я ничего не узнала нового или такого, что могло бы забавить тебя и любезное твоё общество. Все, кого вижу без тебя, кажутся мне скучными и город не оживлен даже недавней победой*... Говорят, будто французы оказались тут неверными друзьями... Брак Герцога Йорского расстроился; по этой причине или по другой какой, но Герцог очень невесел; говорят, что предлагают его невесту Королю Испанскому, а наш Принц женится на дочери Герцога Эльбова... Мистрис Онгль идет замуж за Кравен Говарда, сына Томаса Говарда. Том Вартон ухаживает за другой красавицей, за внучкой леди Рочестер; бабушка большая ему приятельница, но свадьба вряд ли состоится, он во всем несчастлив. В эту девушку влюблен молодой Арундель, сын лорда Арунделя из Трерина, и ездит всюду за нею по следам. Вчера дождался верхом того времени, когда она поедет прогуляться, и подъехал к ней в карете. Вартон ехал подле, тоже верхом. Арундель оттолкнул его и, всунув голову в окна кареты, сказал своей красавице, что ни один человек в мире не может обожать ее столько, сколько он обожает. Вартон, как добрый христианин, подставил другую ланиту, то есть будто не заметил происходящего; но Арундель принужден был отъехать, к тому же он не бывает у них в доме, а Вартон там хорошо принят».

Рядом с этой нежной и горячей любовью было другое чувство; не хочу называть его любовью, я неохотно употребляю одинакие слова на разные смыслы; другое чувство господствовало в душе леди Россель и укрепляло ее во дни счастья на будущие дни жестоких испытаний. Она была Христианка, истинная Христианка – умом и сердцем, веровала всем догматам, покорялась всем предписаниям, без пристрастия к сектам, без желания прений, одушевленная разумным и возвышенным снисхождением к тем, кто не разделял ее

* Морское сражение при Солвае 26 мая 1672-го, в котором Герцог Йорский с помощью французской эскадры одержал над Голландцами под начальством Руйтера дорого купленную победу.

убеждений. Мы увидим скоро, когда Господь пошлет ей скорбь, в какой прекрасной гармонии согласовались в ней христианство и человеческие чувства, благочестие и любовь. Здесь я хочу показать, как глубоко занимала душу ее вера и как душа ее, блаженствуя в настоящем, готовилась с покорною доверенностью принять от Божией руки удары, или вернее удар, который она как бы предчувствовала. В одном письме к мужу, наполненном выражениями страстной нежности и благодарности, она вдруг останавливается и говорит: «Чего просить мне у Бога, кроме продолжения этого счастья, если на то есть Его воля? а если определил он иначе, то да подаст мне силу покориться безропотно мудрым Его распоряжениям и всеобщему Промыслу, вспоминая с благодарностью годы счастья, дарованные мне им. Он лучше нас знает, когда мы довольно насладились. Я умоляю милосердие Его об одном: кто бы из нас первый не отправлялся сюда, чтобы другой не оставался без надежды свидания вечного. Будем надеяться, что проживем вместе до старости, и верить, что в противном случае Господь укрепит нас в испытании. Не худо останавливаться иногда на таких мыслях, чтобы нечаянный случай не застал нас без силы и помощи. Прости мне это рассуждение, но я думаю, что, приготовясь ко всем возможным ударам, мы спокойнее насладимся данным теперь счастьем, которое, надеюсь, будет продолжаться. Но будем каждый день молить о том Бога и ничего не бояться; правда, смерть есть высшее зло и больше всего смущает нашу природу, но преодолеем боязнь смерти, для себя и для наших милых, и тогда сердце будет мирно и ясно».

Десть лет прошло с тех пор, как леди Россель писала из Лондона в Стратон к мужу эти благочестивые строки. 1682-го 25 сентября Лорд Россель был в свою очередь в Лондоне, а жена из Стратона писала к нему: «Ничего нет нового с тех пор, как ты уехал, одно знаю, что вот уже двадцать лет, как я люблю тебя так страстно, как ни одна женщина не любила, и надеюсь еще двенадцать лет любить так же, быть так же счастливой и совершенно тебе преданной».

7

Не прошло десяти месяцев после этого письма, исполненного любви, счастья, доверенности, и на ясном небе разразилась гроза. Лорд Россель заключен был в Лондонскую башню и являлся перед

судилищем в Ольдбалей (старого Аббатства), обвиненный в верховной измене. Несколько лет был он членом нижней камеры, не принимая большого участия в ее прениях. Он был молод и увлекался пылкостью лет своих. Англия медленно наслаждалась надеждами и радостями реставрации. Воспоминания революционных времен, реакция против их правил, действий и действующих лиц занимали всех. Карл II и двор его с бесстыдным эгоизмом пользовались этою страстною преданностью, и скоро излишнее употребление истребило ее. Пороки их, требования, ошибки возбудили новые вопросы и новые страсти. Исчезли прежние роялисты, люди, служившие Карлу I и сражавшиеся с Кромвелем. Новые люди и под их предводительством новые партии взошли на сцену: партия Короля и партия отечества, потом тори и виги, наследники, но наследники вполне преобразованных *Кавалеров* и *Круглоголовых*. Парламент сделался поприщем и главною пружиной политики. Долгий парламент роялистов продолжал дело, начатое долгим парламентом революционным, проклиная его; возобновленная Монархия побеждала теми же самыми орудиями, которыми ниспровергали ее. Король правил через парламент, главные члены парламента стали советниками Короля.

Почти в это время Лорд Россель женился на леди Воган и принял явно сторону отечества против двора. Счастье семейное и страсть патриотизма начались для него в одно время.

Великодушный, чистый сердцем, доброжелательный ко всем, с разумом возвышенным, но не прозорливым, с характером упрямым, хотя не сильным, способный увлекаться, подчиняться и вдаться в обман, он скоро сделался горячим противником двора и нравственным украшением, но не главою отечественной партии. Готовый всегда страдать за свои убеждения, он в течение одиннадцати лет защищал и часто предлагал меры сопротивления самые сильные, между прочим билль на исключение Герцога Йорского как католика от наследия трона. Лорд Россель, готовый предать себя за народ, пленял его и свою партию тем, что почти всегда делил их предубеждения, их страсти, ослепления и увлечения; высший всех нравственным достоинством, он всем был равен чувствами и разумом. Скоро он сделался самым популярным человеком во всем государстве и самым уважаемым; такова была симпатия и взаимное согласие между ним и народной партией, что ничто не указывало Лорду Росселю

на ошибки друзей и на его собственные; предостережения приходили от врагов, но им не верили.

Одна леди Россель, несмотря на любовь свою и на скромность, сомневалась в необходимости действий своего мужа и часто тревожилась, думая о их последствиях; об этом говорила она ему искренно и твердо. В политике так же, как в религии, она делила веру, чувства, желания Лорда Росселя, у нее было такое же гордое сердце и горячая забота в деле Отечества, но разум ее был свободнее, прямее, беспристрастнее и пронизательнее. В марте 1676-го года в ту минуту, когда Лорд Россель готовился в камере подтвердить резкое предложение оппозиции, во время заседания ему подали от жены следующую записку: «Сестра моя здесь и сказала мне, что вчера ты объявился ее мужу, что будешь вмешиваться в то дело, о котором теперь толкуют в камере: ты знаешь, о чем я говорю. Меня это тревожит, и я прошу тебя сказать мне правду, точно ли хочешь вмешаться? Если хочешь, то я уверена, что сам раскаешься. Прошу тебя, скажи мне правду, и мне и сестре тяжело оставаться в сомнении. Если сколько-нибудь имею над тобой власти, то умоляю тебя, молчи в этом случае, по крайней мере сегодня».

Из этой записки видно, что леди Россель в первый раз так говорила мужу, настойчивая ее просьба сказать ей правду заключает в себе кроткую жалобу на то, что, вероятно, правда часто была от нее скрыта, и живую заботливость о том, чему желала бы помешать. Видно, Лорд Россель поражен был поступком жены, что сохранил эту записку и пометил внизу своею рукою день и место, где получил ее. Кажется, однако, что ни в этот день, ни несколько раз после не последовал он данным советам и увещаниям.

Настал день, когда Король, хотя не склонный к решительной и отважной политике, и Парламент, хотя монархический и честный, не могли вместе ужиться. Народная партия требовала от Короля, чтобы, лишив престолонаследия брата своего, он собственными руками разрушил монархию. Карл требовал от народной партии, чтобы она приняла Государя, очевидно стремящегося уничтожить религию и конституцию отечества. Доведенные до крайности, они решились испытать: Король, тирания, национальная партия, возмущение.

Во время перелома, в 1681-м году, когда последний парламент Карла II был распущен, два человека были во главе борьбы: Лорд Шевтсбюри и Лорд Россель. Шевтсбюри старик, честолюбец неуто-

мимый, развращенный всеми способами разврата, добром власти, популярности, привыкший с юности искать и находить счастье в происках и заговорах, с дерзким и гибким умом, прозорливый, дальновидящий, умеющий управлять людьми, равно способный служить им и вредить, нравиться и ссорить, привязанный по гордости к партии протестантской и народной, ибо она, по его мнению, должна была одержать верх и, во всяком случае, решившийся непременно спасти жизнь свою или снова начинать оные. Лорд Россель, в полном цвете лет, прямой, искренний, пылкий, неопытный, непреклонный умом, с верующим и честным сердцем, совестливый заговорщик, готовый отдать жизнь за убеждение, но неспособный употреблять без различия все способы для успеха или для собственного спасения. Можно было предвидеть, который из двух деятелей одного дела будет орудием в случае успеха и жертвой в случае неудачи.

Заговорщики собирались иногда вместе, но не всегда одни и те же, не доверяя друг другу и не высказывая окончательно своих намерений. Лорд Россель задумывал вооруженное сопротивление против королевской тирании и в душе своей принимал все последствия такого предприятия. Лорд Шевтсбюри ясно понимал его намерения и готовил низвержение Короля и возведение на престол государя иного, мимо законного наследника. Некоторые предлагали внезапное нападение и умерщвление Карла II. Между ними были и республиканцы, продолжавшие мечтать о республике, были и изменники, купленные уже двором и готовые предать и тайну и сообщников для избежания собственной опасности. Однажды в их собрание вместе с полковником Сиднеем и Г. Гамбденом вошел Лорд Говард. Лорд Россель презирал его и сказал другу своему Лорду Эссексу: «Что нам общего с этой дрянью?» и хотел уйти; но Эссекс удержал его. Он был хорошего мнения о Лорде Говарде и не подозревал, что его свидетельство должно вскоре погубить их обоих.

Несколько дней спустя Лорд Мордаун, жаркий роялист и далекий от всяких заговоров, но весьма преданный Лорду Шевтсбюри, был у Герцогини Портсмут, любовницы Короля, с которой имел тайную и короткую связь. Вдруг докладывают Герцогине, что приехал Король и взшел уже на лестницу: она поспешно втолкнула Лорда Мордауна в соседнюю горницу. Мордаун, возбужденный ревностью и любопытством, стал смотреть в замочную скважину и увидел вошедшего Лорда Говарда, который говорил с Королем дол-

го и тихо так, что нельзя было расслушать ни слова. Когда Герцогиня выпустила его на волю, он поскакал к Лорду Шевтсбюри и уведомил его о том, что видел. «Точно ли Вы в этом уверены?» – спросил Лорд, пристально смотря на Мордауна. «Совершенно уверен», – отвечал он. – «Милорд, вы честный юноша и не захотите меня обманывать; если это так, то мне должно сегодня же уехать». В тот же вечер Шевтсбюри выехал из своего дома, скрылся где-то в Лондоне, где на другой же день повелено было арестовать его, а через несколько дней, севши в Гарвиче на корабль, бежал в Голландию к Принцу Оранскому, в котором видел и покровителя и мстителя. Бывши Канцлером, он сильно требовал войны с Голландией и повторял часто: «Надо было уничтожить Карфаген». Приехав в Амстердам, он послал просить у бургомистра позволения жить тут. Бургомистр отвечал: «Карфаген, еще не уничтоженный, охотно принимает в стены свои Лорда Шевтсбюри».

В то же время было приказано арестовать Лорда Росселя и привести его перед Совет. Посланный с приказом остановился в главных воротах дома, но задние ворота оставались с намерением свободны. Лорд Россель мог уйти, но не захотел бежать, говоря, что бегство будет признанием вины и что он не боится справедливого суда отечественного. Леди Россель поспешила спросить совета лучших друзей его, те также не советовали ему бежать. Он явился в Совет, перед Королем. «На Вас нет никакого подозрения против моей особы, – сказал Карл, – но много доказательств в желании ниспровергнуть правление». После долгих допросов Лорда Росселя отослали в башню. Входя, он сказал служителю своему Таунтону, что против него много врагов и что хотят лишить его жизни. «Им не удастся, надеюсь, не удастся!» – отвечал Таунтон. – «Удастся! – сказал Лорд Россель, – диавол свободен».

Не стану рассказывать этот известный и важный процесс, я хочу изобразить только внутреннюю жизнь Лорда и Леди Россель, их личные отношения и взаимные чувства в счастливые и скорбные дни их жизни. Как скоро муж ее был заключен, Леди Россель ревностно, страстно, без устали употребляла все старания, могущие служить ему на пользу. В течение двух недель, протекших между заключением его и осуждением, она ездила, хлопотала, писала неутомимо, собирала сведения, ободряла испуганных друзей, возбуждала

сочувствие равнодушных и готовила пути к спасению на случай верховного несчастья.

Во мнении общем она так совершенно, так деятельно слилась с Лордом Росселем, что когда он жаловался, почему не дали ему знать, кто назначен присяжными судьями, Президент двора и Генеральный адвокат сочли себя оправданными доказать, что Леди Россель знала имена всех присяжных. Накануне того дня, когда ему должно было явиться перед судом, она написала к нему: «Друзья твои полагают, что я могу тебе быть полезна при допросах, я готова и крепко делаю это; умоляю тебя, согласишься и ты... Может статься, суд и двор этого не позволят, но ты позволишь мне попробовать».

Прения начались 13 июля 1683-го года. Зала набита была зрителями. «Нам нет места сесть», – говорили адвокаты. Лорд Россель спросил бумаги, перо и чернила для записок и отметок. Ему подали. «Можно ли мне поручить записку кому-нибудь для облегчения моей памяти?» – «Конечно, Милорд, кому-нибудь из Ваших служителей». – «Моя жена здесь и готова помочь мне». – Леди Россель встала, чтоб изъявить свое согласие: все собрание подвиглось с умиленным почтением. «Если это угодно миледи, никто ей не препятствует», – сказал Президент, и во все время Леди Россель была подле мужа единственным его секретарем, писцом и самым бдительным советчиком.

Жестокий приговор произнесен, но бодрость и деятельность Леди Россель не ослабели; ее душа была из тех избранных, в которых любовь, долг и доверенность к Богу мимо всех человеческих расчетов поддерживают силу и надежду. Все возможные старания употреблены были для спасения жизни Лорда Росселя; многие уважаемые придворные настойчиво убеждали Короля помиловать: «Этим навеки привяжете благодарностью знатный род, – говорили они, – оттолкнувши же просьбы их, заставите никогда не забыть полученное оскорбление; Вы обязаны сделать многое для дочери Лорда Сутамптона». Леди Россель со всех сторон получала письма с извещениями, в какой час и где может она упасть к ногам Короля, который ей, конечно, не откажет, и многие подобные указания того, что ей делать надлежало. Просили даже Герцога Йорского. Герцог слушал спокойно и не отвечал ни слова. Король с досадой сказал Монмуту: «Я хотел бы простить его, но не могу, не поссорившись с братом, перестаньте об этом говорить». Лорду Дармуту: «Все, что Вы гово-

рите, правда, но правда и то, что если я не лишу его жизни, он может убить меня». Старались возбудить другие струны. Граф Бедфорд предложил Герцогине Портсмут 50 или даже сто тысяч ливров стерлингов, если выхлопочет помилование его сыну. Карл отвечал: «Дешево дают мне за выкуп моей крови и крови моих подданных». Леди Россель полагала, что дядя ее Маркиз Рювиньи, если приедет из Парижа с согласия Людвига XIV-го, будет иметь вес у Карла II. Рювиньи обещал приехать. «Нетерпеливо желаю быть у вас, дорогая племянница, – писал он. – Король воротился третьего дня и милостиво соглашается отпустить меня». Говорили даже, что он привезет письмо Людвига XIV-го к Карлу с просьбой помиловать Росселя. «Я не могу запретить господину Рювиньи приехать сюда, – сказал Король Барильону, – но Лорд Россель будет без головы прежде, чем он приедет». Рювиньи не приехал. Повинуясь жаркой просьбе отца, друзей и, конечно, жены, Лорд Россель решил сам писать к Королю и к Герцогу Йорскому, просил помилования и представлял, что никогда не замышлял ничего против жизни Его величества, сознавался, что напрасно присутствовал в незаконных собраниях, обещал уехать из Англии и жить на континенте, где угодно будет Королю назначить, не вмешиваясь в дела Англии. Этот поступок, как все другие, не имел никакого успеха – стоил дорого Лорду Росселю. Печатая письмо свое к Герцогу Йорскому, он сказал доктору Бурнету: «Это напечатают и будут по улицам продавать как знак моей покорности, когда меня повесят».

Придумали последнюю попытку, весьма странную, но, может быть, действительную. Вопрос о возможной законности или совершенной незаконности вооруженного сопротивления против законного Государя волновал в то время умы всех: сторона двора и сторона народа хотели обе опираться на правом начале; такова уже благородная природа человека, что ему нужно быть правым, что не может спокойно полагаться на силу, если ее не признает истинная правда. Англиканская церковь утверждала незаконность вооруженного противления. Двое самых честных и умеренных докторов, Бурнет и Тилотсон, предприняли убедить в том Лорда Росселя, надеясь спасти жизнь ему, когда представят Королю покорность его разума. Сначала им показалось, что убеждения их поколебали Росселя, и Лорд Галифакс, которого они о том уведомили, сказал им, что Король тронут этим больше, чем всеми просьбами и мольбами. Оба

богослова удвоили свои увещания. Лорд Россель смиренно слушал их. Тилотсон написал ему письмо, в котором основывал на вере христианской правило несопротивления. Лорд Россель взял письмо, вышел с ним в соседнюю комнату и, возвратившись скоро, сказал: «Я прочел Ваше письмо, дескать, желал бы убедиться, но не могу; я всегда думал, что народ свободный, как наш народ, вправе защищать свою свободу и веру, когда хотят их отнять. Если ошибался в этом, то надеюсь, что Господь не сочтет преступлением грех моего невежества». Бурнет стал настаивать, Лорд Россель остановил дальнейший разговор, сказавши: «Я лгать не могу, а если рассуждать далее, то надобно лгать». Он говорил об этом с женою, она отдаляла от него всякую мысль об уступке, с грустью утвердила и одобрила его искренность. Сказывают, что она даже изъявила неудовольствие Тилотсону за его настаивание на этом предмете.

Все средства, все надежды исчезали постепенно; горестный день приближался. Лорд Россель сказал Бурнету: «Я желал бы, чтобы жена моя перестала бегать и соваться туда и сюда, надеясь спасти меня, но когда подумаю, что ей будет скоро утешением уверенность, что не оставила никакого средства, не испытавши его, то покоряюсь». При свидании супругов и тот и другая старались единственно ободрить и щадить друг друга; он следил за ней глазами, когда она уезжала, и, казалось, готов был предаться сильной горести, но круто побеждал себя и старался заняться благочестивым чтением, или молитвой, или разговором с Бурнетом и Тилотсоном. 19-го июля узнал, что просьба об отсрочке отвергнута и что казнь назначена 21-го, он написал к Королю письмо, которое должно быть доставлено после его смерти и которого цель была в следующих последних словах: «Позвольте мне, умирая, искренно уверить Вас, что сердце мое было неизменно предано тому, что почитал я Вашею истинною пользою; если ошибся, то надеюсь, что гнев Ваш кончится с моею жизнью и не отразится на жене моей и детях; этой последней милости просит у Вашего величества Ваш верный и преданный подданный». На другой день, 20-го поутру, он причастился святых тайн. «Верите ли всему, чему учит Христианская англиканская церковь?» – спросил Тилотсон, принеший причастие. – «Верю, конечно». – «Прощаете ли всем?» – «Всем и от всего сердца». После обеда он перечел и подписал речь, которую велел отдать на эшафот Шерифу: прощанье с жизнью и отечеством. Он дал Леди Россель наставление, как обна-

родовать эту речь тотчас после его смерти. Леди Россель поехала за детьми и привезла их. Он долго не отпускал их от себя, говорил с ней об их воспитании, обнимал их, целовал, благословил и простился с ними без всякого смущения и печали. «Останься ужинать со мною, – сказал он потом жене. – Примем вместе последнюю мою земную пищу». Во время ужина и после он говорил о дочерях своих и о том благотворном действии, которое производит великий пример смерти, принятой с мирным и свободным настроением духа.

В десять часов он встал, взял Леди Россель за руку, поцеловал раза четыре, оба молчали, дрожали и глядели друг на друга с полными слез глазами, но слезы не падали. – Они уехали. «Теперь вся горечь смерти миновалась», – сказал Граф Россель Бурнету и предался полному излиянию чувств своих. «Какое она была мне благословение! – говорил он. – Что бы со мною было, если б с любовью ко мне она не соединила такой же великости души, которая не допускала ее делать малейшей слабости, малейшей уступки для спасения моей жизни! Какую неделю провел бы я здесь, если бы она около меня плакала и советовала сделаться доносчиком, Лордом Говардом!.. Господь необыкновенно был милостив ко мне, давши такую жену: знатность, богатство, огромный ум, сильная вера, горячая любовь ко мне, все, все в ней было! а свыше всего поведение ее при этой беде! Большое мне утешение, что дети мои остаются на руках такой матери: она обещала мне беречь себя для них и сдержит слово!» Потом, после долгого молчания, мысли его перешли к самому себе. «Какую необъятную перемену производит над нами смерть! Какие чудные явления откроются душе нашей! я слышал, что случалось возвращать зрение слепорожденным и что они не могли опомниться, взглянувши на свет, что же было бы, если бы первый взгляд их упал на восходящее солнце?» Он вынул часы и отдал их Бурнету, говоря: «Время для меня прошло, начинается вечность».

На другой день 21 Июля 1683-го года вдова Лорда Росселя осталась одна в жилище своем Сутамптон-гаузе, с тремя детьми, дочерьми, девяти и семи лет, и сыном, трехлетним младенцем.

8

Разбирая письма Леди Россель, я не без удивления нашел, что первые два письма, писанные ею после жестокого удара, были адресованы прямо к Карлу II-му, Королю, отказавшему даровать жизнь ее мужу. Выехав тотчас из Лондона, чтобы спрятаться с детьми в деревне, в Вобурне, у Лорда Бедфорда, отца ее мужа, она пишет к дяде своему Джону Росселю, полковнику 1-го полка пехотной гвардии:

«Не нужно мне извиняться перед Вами, любезный дядюшка, и расстроенный ум мой не в состоянии принести Вам какое-нибудь извинение, но мне нужна Ваша помощь, и я смело прошу ее. Вы помните, что несколько дней спустя после ужасного моего несчастья Король велел сказать мне, что не хочет воспользоваться достигающей ему конфискацией, но что следует соблюсти законные сроки, стало быть, он даровал лично мне все имения. Кажется, приличие требует, чтобы я изъявила за то признательность, и прошу вас сделать милость: исполните это вместо меня... Тяжело мне писать об этом, все, что меня касается теперь, грустно и мрачно, а я не люблю доставлять родным и друзьям моего возлюбленного и теперь блаженного мужа какую-нибудь неприятность».

Вскоре городские слухи доходят до уединения Леди Россель, говорят, что двор тревожится действием, произведенным речью, которую Лорд Россель передал Шерифу на эшафот, и называют речь подложной. Она приняла это как оскорбление памяти ее мужа и спешила писать к Королю:

«С позволения Вашего величества:

Слышу, что враги мужа моего не удовлетворились его кровью, что они продолжают клеветать на него перед глазами Вашего величества. Жестоко огорчает меня слух, будто уверили Ваше величество, что бумага, которая передана им Шерифу в минуту смерти, не им писана. Могу уверить и торжественно подтвердить, что во время заключения своего он говорил мне то же, что писано в этой бумаге и в тех же выражениях. Униженно прошу Ваше величество, что человек, который всю жизнь действовал прямо и откровенно, не станет, умирая, выдавать за свое то, что ему не принадлежит... Надеюсь, этими словами я не прогневаю Ваше величество; если они Вам неприятны, то умоляю вас вспомнить, что говорит женщина, удручен-

ная скорбью: простите дочери человека, служившего Отцу Вашему в самых больших его злосчастиях, служившего Вам в самых высших должностях; скажу с чистой совестью, что до сих пор я ничем не мола оскорбить Вас и всегда буду молить Бога о долгой жизни и благополучном царствовании Вашего величества».

Это вдова, сокрушенная горем, жена, страстно любившая заговорщика, казненного на эшафоте за желание удержать право на сопротивление и свободу Отечества, сохраняет и так просто изъявляет глубокое монархическое чувство, уважение к приличиям, кроткое и вместе гордое самосознание! – Пройдут дни, месяцы, годы, она останется постоянно одинакова, вполне преданная одному чувству, но не поглощенная им, сосредоточенная внутри себя и внимательная, деятельная, даже заботливая для всего окружающего.

У нее есть друг, поверенный сердца ее, доктор фиц-Вильям, бывший некогда капелланом в доме отца ее, теперь ректор в Котенгаме и каноник в Виндзоре, священник глубоко благочестивый, с симпатичным сердцем, с умом возвышенным и обширным, он принимает нежное участие в судьбе благородной дочери прежнего своего патрона, старается поддержать ее дух, утешить и вести через все испытания к Господу и к спасению вечному. Ему-то Леди Россель открывает сердце, при нем предается всем внутренним тревогам, унынию и порывам благочестивой надежды.

Я приведу несколько строк из их переписки, чтобы хотя немножко показать великость этой редкой души, особенно удивительной тем, что страсть и рассудок, верность сердца и трезвость ума не мешали взаимно друг другу и что в течение сорокалетнего вдовства она принадлежала единственно памяти обожаемого мужа, не переставала деятельно сочувствовать всем отношениям, всем связям, всем обязанностям жизни.

Вскоре после несчастья доктор фиц-Вильям прислал ей благочестивые совет и молитвы; она отвечала: «Не нужно говорить вам, добрый дорогой друг мой, как я еще не способна к таким упражнениям: вы увидите сами, что они теперь для меня бесплодны: душа моя взволнована, и смутные мысли дают только слова для выражения отчаяния. Вы, друг мой, пощадите мою слабость и сочувствуйте моей скорби, но вы уже сделали, приславши доброе ваше письмо и прекрасную молитву... Вы нас знали обоих, вы знали, как мы жили, вы понимаете, что мне есть о чем плакать. Лишиться друга есть об-

ший удел, но жить с таким другом – о, как мало женщин, которые могли бы славиться таким счастьем! и оплакивать такую потерю! – можно ли не пасть от такого удара?»

Несколько дней позже:

«Всякие горестные мысли терзают мое сокрушенное слабое сердце: преодолёю одну, тотчас давят другие. Как скоро утихнет волнение скорби, тысяча размышлений о прошедшем являются мучить. Кто знает, не пропустила ли я какого важного акта? Если бы мы просили, может статься, он уехал бы, если бы во время процесса такое слово или другое переменено, если бы употребили иные средства, он, может быть, был бы оправдан, был бы здесь, на земле живым... Думаю, что напрасно мучу себя всеми этими суетными мыслями, но они увеличивают скорбь мою. Господи, Боже мой! Научи меня понимать эти сокрушительные приговоры Твоего провидения, чтобы я не погибла в унынии моем! Знаю, что заслужила наказание от души Твоей и молчу. Но сердце слишком горько терзается и не могу ничем утешиться, потому что нет со мной моего дорогого товарища, который делил и радости мои и печали. Мне он везде необходим, я кличу его, хочу говорить с ним, гулять с ним, есть, спать подле него. Все это без него мне несносно. День, когда приходит, мне тяжело, и ночь тоже. Взгляну на детей и думаю, с каким он удовольствием смотрел на них, и все сердце во мне ворочается!.. Ах, если б вера моя была тверда, не была бы я так слаба и уныла! Как охотно бросила бы я этот свет, где все мне скучно и досадно, где делать мне нечего, разве только очищать душу от греха, нести терпеливо несчастье мое и верую, и мирной совестью приобретаю вечное спасение!..»

Десять месяцев провела она в Вобурне в безмолвии и уединении, потом почувствовала необходимость переменить место и искать душе впечатлений. 29-го апреля 1684-го писала она к доктору фиц-Вильяму: «Мне хочется поехать на несколько дней в Стратон, в это запустелое место, где жила я в таком ясном и совершенном довольстве. Тогда я пересматривала положение всех, кто окружал меня, и ни одно не привлекало моих желаний. Таких дней уже не будет на земле. Но места везде равны, где может его образ не быть беспрестанно передо мною? И не хочу, чтоб иначе было. Я решилась, ничто меня не остановит, поеду всюду, где будет нужно исполнить долг мой».

Пять месяцев после этого, 1 октября того же года:

«Я решила будущую зиму возвратиться в это сокрушенное жилище, Лондонский дом. Врачи говорят, что это нужно моему мальчику, на это нет возражений. С помощью Божией постараюсь перенести пребывание там, которого мысль одна пугает меня. Но знаю, что если б другой не было причины, то с этой я слажу».

Не вдруг исполнила она свое намерение, шесть недель после писала она доктору:

«Вы говорите, что я слишком медлю. Не удивительно, если вспомнить место, куда я еду: оно было свидетелем моего вечного несчастья, там тщетно старалась спасти жизнь, за которую так охотно отдала бы свою. Доктор, я лишилась неоцененного сокровища, с ним жила я в полном счастье, на этом свете оно полнее быть не могло. Я знаю, что должна помнить, что есть у меня друг, которого никто не может лишить меня, к которому всем стремлением сердца желаю возвыситься; тогда духовные радости будут во мне бороться с земными скорбями и возвратят спокойствие душе измученной и разбитой испытаниями жизни; но знаю по опыту, мне удастся редко, и то минутами, достигать такого желанного расположения духа; когда я перееду в этот город, в этот печальный дом, это будет еще реже, и все удары скорби возобновятся. Столько уже месяцев ношу я бремя действительного горя, надеюсь, что Бог поможет мне не упасть под тенью оногo».

И точно, Бог помог ей; впадая часто в порывы отчаяния и слабости, она всегда вставала бодрая и старалась избегнуть всякого излишества в чувствах и во взглядах на судьбу свою. Следующие два письма будут тому доказательством:

«Леди Россель к Доктору фиц-Вильяму.

Вобурн, 11 ок. 1685.

Никто больше меня, бедной твари, не должен признавать милосердия Божия, а я с таким сопротивлением приняла суд Его, не вспоминая его милости. Конечно, удар был жесток, но в эту ужасную минуту не могла ли я надеяться, что душа того, кого я любила, как свою душу, переходит из темницы на царство? Не дана ли мне была способность скрыть свои терзания, чтобы не умножить его страдания. Я изнемогла, доброе сострадание стольких мудрых христиан поддержало дух мой, научать, укреплять... а дети моего бесценного друга? Господь сохранил их, дал им понятливый ум с

большими надеждами на будущее и нрав кроткий и послушный; мою жизнь сохранил он для их блага, надеюсь. Томясь на свете, в котором уже нет мне радости, я Господом избавлена от всякой телесной болезни, чего не было прежде. Все это заставляет меня благодарить Бога, а сердце мое поражено и не способно благодарить: вот это меня огорчает. Но тот, кто принял наши болезни, бремя наших грешных страданий, Христос поможет мне измениться. Он видит слабость души моей и всю силу моей скорби».

Та же к тому же – 11 июля 1686.

«Знаю, что я несносна, простите мне эту дерзость и потерпите меня как будто сносную. С другими я не позволяю себе такой смелости, это я себя балую, а вы одобрите меня. Мне это необходимо в те несчастные дни, когда жестокие воспоминания теснятся ко мне в душу. Можно, я это знаю, перенести, не умирая, самые горькие страдания, но перенести их без ропота сердечного, – вот долг наш, и его-то не могу исполнить. О, Боже мой, не прогневайся на слабое твое создание, пошли мне уменье благословлять Тебя за то, что лишилась я моего друга, за то, что он dokonчил свое служение земное. – Милый мой доктор, это ваше выражение и мне оно очень нравится. Когда моя очередь придет окончить мое служение, не знаю, в каком расположении буду тогда, но теперь мне это самая приятная, самая утешительная мысль. Когда множество мучительных дум одолевает меня, то ободряюсь, вспоминая, что жизнь эта кончится скоро, что начнется другая нескончаемая, что тогда узнаем причину и цели жестоких (по-видимому) ударов Провидения. Кажется, будто я только и думаю что о смерти, а если бы болезнь и другой какой предвестник смерти приблизился, может статья, я захотела бы отдалить его, так обманчивы наши сердечные желания! так не тверда наша вера! Господь премудро вкоренил природе нашей страх при разлучении души с телом и заботу о сохранении жизни: как могли бы вынести столько скорби, если бы вера не показывала, чего можем достигнуть, терпеливо страдая!»

К некоторым приятелям, оказавшим ей великие услуги или сильное участие, писала она, конечно, не с такою доверенностью, но с такими же чувствами. Между прочим, Лорд Галифакс после казни Лорда Росселя с великим трудом выпросил, чтобы позволили выставить семейный герб на воротах дома, как будто смерть его была естественна. С того времени он не прекращал дружественных сноше-

ний с Леди Россель и, судя по ее ответу, вероятно, предлагал ей одно из тех холодных утешений, которыми довольствуются души, не требующие утешения, она писала:

«Я почитаю, Милорд, плохим утешителем того, кто уговаривает принять равнодушно все случающееся. Можно говорить: зачем жаловаться, когда берут назад то, что давали взаймы на время, мы знаем, что отдать надо и прочее подобное. Это рассуждение философов, и я ни малейшего не имею к ним уважения, как ко всему неестественному. Чуть нет искренности, они чувствуют то, в чем не хотят признаться. Знаю, что нельзя противиться Всемогущему, но если радости жизни моей исчезают, то не могу не плакать от их лишения. Верьте, Милорд, одна христианская вера может облегчить душу, обремененную великим несчастьем, нам нужна надежда на возвращение нашего счастья; надежда эта дала мне более, нежели мог бы дать целый мир со всеми его богатствами и славою».

Господь послал ей утешение, исполненное тревоги, но действительное; близкую возможность новых горестей. Четырехлетний сын ее занемог опасно. «Господь помиловал меня, – писала она фиц-Вильяму, – он отвел угрожающую мне беду, смерть моего бедного мальчика. Он был очень болен, и Господь показал мне безумие мое, когда я вообразила, что мне нечего терять, что нет ничего на свете и ничто не может принести облегчения. Я почувствовала, как ложна эта мысль, и теперь не могу ни на минуту расстаться с моим малюткой. Надеюсь, что присутствие моих детей сколько-нибудь даст отдохнуть моей бедной, усталой душе, что по крайней мере старание заняться их воспитанием – которое так хорошо, так удачно мог бы совершить их добрый, любящий отец! – получить какое-нибудь удовлетворение. Когда я исполню эту обязанность, порученную мне моим другом, о, как сладко мне будет лечь подле этого милого праха! Я недавно посетила его, т.е. могилу его. Очень рада, что вы не вините меня в этом, как здесь многие, узнавшие о том, винят, хотя я сказала о моем наблюдении вам одному. Доктор, я думала прежде об этом, там я не искала живого между мертвыми, я знала, что куда бы я ни поехала, не найду его нигде, наперед обещала себе не предаваться тщетной, неразумной страсти, но туда вознести взоры, куда вознеслась лучшая часть существа его, туда, где никакая земная власть не достигает и не может разлучить счастливый союз. Туда

стремлюсь всегда, но часу назначить никто не может. Надеюсь, что буду ожидать его без лишнего нетерпения».

Долго ждала этого благословенного соединения, желанного искренно, но сознавая в слабости нашей натуры. По мере того, как текли годы, она сжилась с горем своим, как сживаются с неизлечимой болезнью. Несмотря на одиночество сердца, жизнь ее была деятельна и без рассеяния занята. Воспитание детей, дела их, правление домашнее, благосостояние родственников – все составляло предмет постоянных ее забот. «Мне очень приятно, – писал к ней Бурнет, – что Вы столько времени посвящаете детям, что для них не нужно брать воспитательницы». Действительно, дочери ее не имели, кроме нее, ни одной гувернантки. Она береглась, чтобы обычной печалью своей не смутить веселости, свойственной их летам.

Когда они возвратились в Стратон, то писала оттуда: «Бедные дети очень обрадовались новому месту. Они не знают, как было это место приятно прежде и для меня и для них. Кажется, однако, что Рашель (старшая дочь) не совсем равнодушно возвратилась сюда, и мне это было приятно. Должно тщательно хранить впечатление невозвратимой потери, иначе к чему воспоминание? Однако я стараюсь поддержать врожденную их веселость. Создатель наш, конечно, хочет, чтобы мы радостно приняли Его волю над нами». Леди Россель любила свекра своего, Лорда Бетфорда, с нежной признательностью. У него умерла жена; невестка отказалась от задуманного путешествия и осталась с ним. «Не хочу уезжать от него, – говорила она, – теперь, когда новое несчастье поразило его; этот прекрасный человек был всегда так ласков, так добр со мною!» К ней обращались во всех важных семейных обстоятельствах, между прочим, в сватовстве дочери Лорда Гайнборфа, свекра сестры ее Елизаветы. Все знали, что советы ее полезны, что на одобрение ее можно положиться. «Я сделала то, о чем меня просили, – говорила она при одном из таких случаев, – хотя желала бы, чтобы выбрали другого кого, а не меня, я не способна уже ни на что и в мире действовать не могу, но чувствую, что обязана делать все, что только в силах; со временем о том же должна буду заботиться для детей моих и не могу этого долга не исключить ради памяти моего возлюбленного мужа; ему и всем родным его принадлежит остаток горькой моей жизни».

Время этих великих материнских забот наступило для нее ранее, нежели она ожидала. Едва минуло четырнадцать лет старшей дочери ее Рашели, как Лорд Кавендиш, Граф Девонкширский, стал просить руки ее старшему сыну своему, которому было тогда шестнадцать лет. Лорд Кавендиш был лучший, преданнейший друг Лорда Росселя, преданный до того, что во время заключения его в башне он умолял его перемениться с ним одеждой и бежать, между тем как сам останется в заключении на его месте. Лорд Россель ни за что на это не согласился. Глубоко признательная к тем чувствам, которые внушили предложение такого блестящего союза, Леди Россель приняла его с искренним удовольствием. «Надеюсь, – писала она к доктору фиц-Вильяму, – что если это верное дело совершится, то старания мои и счастье дочери увенчается успехом. Бог один знает, чем это кончится, но для мрачной жизни моей это луч света неожиданный. Я часто повторяю, что дети праведника благословляемы Богом, и, конечно, отец их был праведным. Если слабое сердце мое не износит, то и я надеюсь заслужить это имя и благодарю за то Бога». Условия по имению трудно было заключить: чувства самые возвышенные соединяются часто с взысканиями мелочными и упорными. «Мне приходится вести дело с Лордом благородным и сердечно высоким, но упрямым и требующим, чтобы все устроено было по его воле». Эти совещания и споры утомили ее. «Я принуждена видаться со многими деловыми законниками, это очень неприятно; мне хотелось бы скорее довершить это дело и положить конец тому, что так несогласно с образом жизни, который я решила вести. Надеюсь, что долг превозможет склонность: надобно мне пособлять детям, я у них одна. Я принуждена ездить на обеды и на многие подобные пиры, что очень тяжело сердцу печальному и утомленному. Слава Богу, что достает силы». Действительно, силы ее достало, и 21 июня 1688-го дочь ее обвенчалась с молодым Лордом Кавендиш, который тотчас после того поехал путешествовать на континент.

Судя по наружности, можно бы думать, что леди Россель посвятила свою жизнь единственно семейному кругу, воспоминаниям милым и горестным, благочестивым мыслям и занятиям домашним. Но этого не было. Одаренная же многообразными способностями, она не склонна была искать и находить везде предметы для деятельности. Предоставленная себе самой и жизни обыкновенной, она, вероятно, осталась бы чуждой великим идеям и великим происшествиям

своего времени, но она приняла их из любви к мужу, по симпатии к нему и по разуму, способному понять и оценить все великое. Она осталась верна убеждениям лорда Росселя так же, как и его памяти, и в уединении своем заботилась непрестанно о той религиозной и политической свободе, о тех же вопросах, о которых, вероятно, при нем была их общая забота и живая взаимная беседа.

Уничтожение Нантского Эдикта возбудило в ней не только сердечную симпатию к изгнанным протестантам, но множество оригинальных и глубоких мыслей. «Вы правы, – писала она доктору фиц-Вильяму, – я буду сравнивать мою участь с участью других и начну с этого Короля, который, вероятно, почитает себя на вершине земных блаженств, Король несчастных, изгнанных французов. Он несчастнее всех униженных им, потому что подобными поступками посрамляет собственное достоинство. Если Провидение, в неисповедимых судьбах своих, позволяет ему изливать такую горькую чашу бед на такое множество бедных людей, то, конечно, готовит и ему какую-нибудь жестокую горечь. Когда большая половина света не знает ни Бога, ни Спасителя нашего Христа, ни красоты добра, предписанной Христом, как же может Государь, стремящийся к славе, к величию, употреблять яростно могущество свое на истребление народа, признающего Евангелие!»

Собственное ее отечество и происходящее в нем еще сильнее волновали ее: процесс и смерть Алжернона Сиднея, восшествие на престол Якова II-го, возрастание его тирании, возмущение Монмута и строгость наказаний, поразившая друзей дела, для нее дорогого, оживили все горестные воспоминания. Иногда прибегала она к неординарным утешениям. «Ежедневные явления, – пишет она, – заставляют меня часто осуждать себя в безумии, когда плачу о своей жизни, я должна радоваться, что возлюбленный муж мой достиг блаженного берега жизни вечной. Если б он жил, сколько раз терзалось бы его любящее сердце, теперь он в мире, в безопасности – а мне, в нем одном полагавшей свой мир, свою безопасность, надобно радоваться и благодарить Провидение». Но такие возношения благочестивой души не могут надолго утолить истинные страдания. Религиозное и политическое положение Англии день ото дня становилось мрачнее, и Леди Россель все более и более огорчалась и тревожилась, задетая за отечество и за успех дела, за которое Лорд Россель положил жизнь свою.

Революция 1688-го изменила однообразную жизнь ее, полную беспокойства и тревоги. После пятилетнего вдовства и унижения Леди Россель вдруг перешла к торжеству и почестям со всем бременем неизменной своей горести.

Она жила в Вобурне в продолжение тех двух месяцев, которые протекли между высадкою на берег Англии Принца Оранского и решительным бегством Короля Якова. Вдали от Лондонского шума и смут, между свекром и детьми, она знала обо всем, что совершалось, и следила за всем с благоразумной ревностью ума, постигшего шаткость великих предприятий, и со всей набожностью души, предающей отечество в руки Божии, так же как себя и семью свою. По письмам ее видно, что она читала газеты, объявления той и другой стороны и что все подробности всего случающегося при дворе и в городе к ней скоро доходили. Когда она узнала, что принц Оранский и при нем доктор Бурнет приехали в Салижбурн, то с нарочным написала к сему последнему: «Посланный мой отправляется из Вобурна только с этой бумагой к вам и привезет, надеюсь, добрые вести, желательные всеми благонамеренными людьми. Может статься, любопытство мое слишком нетерпеливо, но непобедимо. Прошу вас написать мне строчек шесть, хочу видеть что-нибудь, писанное вашею рукою на Англинской земле, а не одни печатные произведения вашего глубокомыслия».

Когда приближалось дело к развязке, она поехала в Лондон с Графом Бетфордом; тогда-то, вероятно, Король Яков просил Графа Бетфорда заступиться за него, и Граф отвечал: «Государь, у меня был сын, тот мог бы теперь быть опорой Вашего величества».

Леди Россель видела вблизи решительные события, поместившие Вильгельма III-го на трон. «Люди старые, видевшие многие перемены, с трудом верят, что это не сон, – писала она к доктору фиц Вильяму, – между тем это не сон, а такое чудное милосердие Божие, что сердца наши должны таять в чувстве неизреченной благодарности и преданности к Тому, кто по воле своей распределяет удары своего Провидения».

Хотя у нее не было никаких сношений с Принцем Оранским, но они не были чужды друг другу. Вильгельм знал, как ценят в Англии имя Лорда Росселя и как уважена его вдова, потому наперед уже

заялся ею. Когда в 1684-м он отправил в Лондон посланника своего Г. Дикенвельда, то велел посетить Леди Россель и именем его изъявить глубокое участие и уважение. Переписываю, не изменяя ни одного слова, подробный рассказ об этом посещении, написанный рукою Леди Россель 24-го марта 1684-го.

«Меня посетил Г. Дикенвельд, Голландский посланник. Он говорил со мною по-французски. Он изъявил мне от имени Принца и Принцессы Оранской сожаление о моем жестоком несчастье: они оба глубоко мне сочувствуют, потеря моя так велика, что они не сомневаются в неизменной моей горести. Они очень уважают меня, мою прежнюю семью и ту семью, в которую я вошла замужеством, они будут искать случая показать мне это уважение. Им было бы приятно, если бы я нашла утешение в уверенности, что постараются сделать все, чего бы я ни пожелала, как скоро будет это возможно; в особенности, если это могут сделать для сына моего, все будет сделано вполне. Г. Дикенвельд прибавил, что все это говорит он не как частный человек, а как уполномоченный посланник. Потом мы долго разговаривали, и он повторял, что Принц всегда высоко ценил моего возлюбленного супруга, никогда не сомневался в его благородных намерениях и горько оплакивал его потерю для благоденствия Англии и для протестантской религии. Г. Дикенвельд часто слышал, как принц говорил о моем Лорде всегда с величайшим уважением, и это, прибавил он, говорю я не для того, чтобы сказать Вам приятное, но для того, чтобы знали, что все отдают полную справедливость вашему мужу и памяти его; даже те, кто не сочувствуют его делам, почитают его имя и соглашаются в том, что никто не превзошел его в честности, прямоте, преданности отечеству и в искренности благочестия. Г. Дикенвельд рассказал мне одно частное происшествие, которое доказывает, как даже противники моего Лорда поражены были его потерей. Он обедал у Г-на Скельтона, посланника Англинского Короля в Голландии в то время, когда в Гаагу пришло известие об этих несчастных днях. Рассказывая полученные новости с умеренностью, приличной в таком деле, Г-н Скельтон помолчал при имени Лорда Эссекса, но услышав имя Лорда Росселя, вскричал: «Король взял жизнь одного человека, но тем лишил себя тысячей хороших людей». “Я повторяю это потому, – прибавил Г. Дикенвельд, – что это сказано было приверженцем Короля, Господином Скельтоном”».

Вильгельм, взойдя на престол, не замедлил подтвердить слова, сказанные Леди Россель его посланником. 13 февраля 1689 Король Вильгельм и Королева Мария, приняв поутру корону, поднесенную Парламентом, ввечеру во дворце Вильгельма принимали первое торжественное представление. Леди Россель не была при оном. Отказавшись от всей мирской гордыни, она не снимала траура и не выезжала никуда. Дочь ее, Леди Кавендиш, представлялась в этот вечер ко двору вместе с графиней Девонширской, своей свекровью. «Я целовала руку Короля и Королевы, – писала она на другой день к двоюродной сестре, мисс Жак Аллингтон. – Все дома в городе были иллюминированы, и везде горели радостные огни, это было восхитительно. Говорят, что Король примерно занимается делами, и удивляются благоразумию, с каким он все устраивает. Он не хорош собой и на первый взгляд нет в нем благородства, но посмотришь долее и увидишь в лице выражение мудрой твердости и доброты. Королева очень хороша, приятна лицом, стан и все движения исполнены прелести. Она высока ростом, однако же ниже последней нашей Королевы. Гостиная ее была набита, как легко понять можете».

Политические действия следовали за любезностями. В Парламенте приняли билль для уничтожения осуждения Лорда Росселя, называя казнь его смертоубийством. В одной статье сказано, что билль этот обнародован по просьбе Графа Бетфорда и леди Россель. Сир Томас Клеридж требовал, чтобы слова эти были исключены. «Народная правда, – сказал он, – вернее всех частных прошений. Билль этот не милость, это участие целой Англии».

Это был второй акт, подписанный Вильгельмом по восшествию его на престол. Вскоре потом, желая доказать благосклонность свою обеим семьям, соединенным союзом дружества и политических убеждений, Король дал титул Герцогов Графу Бетфорду и Графу Девоншир; в грамоте, данной новому Герцогу Бетфорду, сказано: «Между многими причинами этого повышения одна из главных есть та, что он отец Лорда Росселя, который останется украшением нашего времени. Редкие заслуги и качества этого человека будут переданы потомству, но для Короля и Королевы этого недостаточно: они делают, чтобы в предстоящих грамотах они были вписаны и хранились в семье как памятники совершенной добродетели, воспоминание коей будет свято, пока

люди будут чтить великость души, чистоту нравов и любовь к отечеству, неизменную даже в смерти».

Семейные радости посетили Леди Россель: вместе с политическими вознаграждениями она выдала замуж вторую дочь свою Катерину за Лорда Росса, старшего сына Герцога Рутланда, и женила сына своего Лорда Гавистона, пятнадцатилетнего отрока на мисс Гауланд, богатой наследнице графства Суррей. И в том и в другом случае она руководствовалась не одними уважениями знатности и богатства; она долго медлила отдавать дочь в семейство Лорда Рутланда, потому что там внушал ей опасение случившийся в родстве развод, а для сына отказала невесте гораздо богаче. Знатность этих союзов и семейные ее удачи привлекли взоры высшего общества без зависти и без удивления; все громко выражали симпатию к справедливости судьбы, все желали усладить печаль добродетельной Леди Россель, родные и друзья Росселей, Кавендишей и Вриотеслей рассказывали леди Россель веселие праздников, к которым она не была причастна, уединяясь в своем Сутамптон-гаузе. Дочь ее, Катерина, вышедши замуж за Лорда Росса, поехала с мужем в Бельвуар, замок ее свекра Герцога Рутланда. При этом случае сир Дремсфорбах, тот джентельмен, который приносил Лорду Росселю от Лорда Кавендиша предложение занять место его в тюрьме, писал к Леди Россель: «Хочу рассказать вам, Миледи, некоторые подробности о путешествии Лорда и Леди Росс и о прибытии их в Бельвуар. Езда их похожа была больше на шествие Короля и Королевы посреди владений своих, нежели на переезд новобрачных к отцу. В Лейстершире они приняты были Шерифом и всеми джентльменами графства, они съехались в Гарборд принести молодой свое почтительное поздравление. На другой день все эти джентельмены проводили ее до замка, и тут же множество народа, сбжавшего со всего графства, поздравляли ее с громкими восклицаниями. Приближаясь к Бельвуару, шествие наше еще увеличилось, приехали в каретах Альдермены, целые корпорации, духовные люди, которые поднесли новобрачным стихи. При въезде в Бельвуар нас встретили в воротах 24 музыканта со скрипками, 24 с трубами, 24 дамы и 24 священника; все в порядке пошли в большую залу, где совершился обычный церемониал представлений и поздравлений. До ужина осматривали замок и присутствовали при стряпании необыкновенного количества сливок с хересом, назначенным для угощения посетителей. Я не видывал ничего

подобного. После великолепного ужина все общество отправилось в большую залу, новобрачные впереди, за ними все прочие по два в ряд.

Тут предстал перед нами огромный водоем, и началось питье здоровья. Сперва пили ложками, потом серебряными чашками, и хотя пили много и предлагали различные тосты, но после целого часа весьма усердного занятия напитков едва на палец опустился в вазе. Тогда Леди Рутланд призвала всех домашних слугителей. И все, стоя на коленях, пили за здоровье молодых большими стаканами. Это продолжалось далеко за полночь».

В то же время Леди Россель получала от благочестивых друзей своих поздравления, которые больше соответствовали состоянию души ее. «Вы пережили другие события, – писал ей Бурнет, ставший Епископом Сализбурийским, – Господь соблюл лучше на конце вашей жизни. Он сам возвысил дом ваш. Два раза в день я молюсь, чтобы семья ваша, которая в своих трех отраслях самая верная в настоящем времени, заслужила Божескую милость примерной святостью жизни и чтобы вы и дети ваши пребывали всегда для нашего отечества благословением, ниспосланным свыше».

После женитьбы сына ей сделано было странное, но весьма лестное для него предложение. Общий выбор готовился вновь для камеры депутатов. Герцог Шревебюри, великий Государственный судья, и Лорд Соммерс, хранитель печатей, просили Леди Россель согласиться, чтобы сын ее (которому минуло пятнадцать лет) предьявился кандидатом на выборах Графства Мидльсекского. «Я представил их сиятельству, – пишет сир Дремсфорбес, – все возражения, которые вы и Герцог Бетфорд могли бы сделать, они действительно думают, что честь семьи и ваша польза требуют, чтобы сын ваш теперь представился. Вместе с прекрасным человеком, Сиром Джон Вульстонгтон, они непременно выбраны будут и оттолкнут двух значительных ториев. Когда я сказал, что Лорд Тавистон едет теперь в Кембридж, а потом путешествовать на два или три года, то Лорд Шревсбюри отвечал, что этому он не противится, что лорду Тавистону нужно только однажды показаться на выборах, что его будут сопровождать несколько тысяч джентельменов и многие особы, приехавшие из города верхом, и что расходов не будет почти никаких. Сверх того Лорд Шревсбюри велит вам сказать, что если

вы согласитесь, как он не сомневается, на это предложение, то просит у вас позволения представить только на один этот день вашего сына под именем Лорда Росселя: это имя даст ему десять тысяч голосов, если столько их находится в графстве». Сколько приманок для любви и гордости! для матери и супруги!

10

Но она не поддалась искушению. Ее защитили две могучие силы: горесть и благочестие. Что касается до титулов и почестей, которыми осыпали семейство Росселей, – «Я всеми силами старалась бы приобрести им все это, но мне самой эти наружные блага не доставляют ни малейшего удовольствия».

С благоразумием, исполненным скромности, она отклонила преждевременное торжество, предлагаемое политикой ее сыну. «Посылаю вам, Милорд, – писала она к деверю своему Лорду Эдуарду Росселю, – письмо, которое вчера получила от друга нашего Сира Дремсфорбеса; прошу вас прочесть его и, если вам не покажется неприлично, съездить к Герцогу Шревсбюри. Я так уважаю его мнение, что если б могла думать, что он серьезно размыслил об этом деле, то усомнилась бы в собственном рассудке. Отец ваш, который ничего еще не знает об этом письме, вероятно, испытал бы такое же впечатление. Вы помните, как он противился этому предложению, когда меня в первый раз о том уведомили. Но твердая настойчивость его светлости может изменить мнение Лорда Бетфорда. Он опасается, что выбор сына моего в члены Парламента прервет ход его воспитания и сделает его ни к чему не способным в будущем. С моей стороны, я в этом вполне убеждена и знаю, что тогда ничем уже зла исправить не можно. Между тем, желая всего лучшего сыну, я готова покориться тем, кто умнее, благоразумнее меня и кто делает нам добро. Отвечайте, прошу вас, с первою почтою, до вашего ответа ни слова не скажу Сир Джемсу».

Мудрость матери превзошла выгоду партии, и вместо выборов Мидльсекского графства Лорд Тавистон поехал доучиваться в университет Оксфордский, «где наша знатная молодежь должна провести несколько лет», – писала Леди Россель к доктору фиц-Вильяму.

Во всех самых простых случаях жизни она поступала с тем же благоразумием, с тою же нравственною прямою, остерегаясь предрассудков, легкомыслия, беспечности и заносчивости, сродной древним аристократам. Прежде чем решилась отдать дочь свою Катерину за сына графа Рутланда, она спрашивала: «Не полагает ли, ваша светлость, что нашим юношам следует чаще видаться и побольше познакомиться? или надобно узнать нрав друг друга, прежде чем заключить союз, который, надеюсь, будет счастлив». Спустя несколько лет после этого ей случилось располагать двумя духовными бенефициями; вот что писала к одному приятелю, Сиру Роберту Ворслей: «Приход весь расположен принять Г-на Свайна; кажется, он достоин, чтобы его выбрали, вы тоже этого желаете. Между тем, если вам известно что-нибудь препятствующее ему быть вполне достойну этого места, уверена, что из уважения ко мне и по важности такого решения, вы помешаете мне сделать ошибку. Я почитаю весьма тяжким бременем заботу о стольких душах и потому хочу знать, кому ее возлагаю. Для Г-на Свайна не могу делать исключения».

Столько разума, добродетели и кротости посреди многообразных испытаний, посреди счастья и ударов рока доставили Леди Россель и в народе Англинском общее уважение и нравственную власть, редкая женщина пользовалась подобной. Король Вильгельм и Королева Мария продолжали участием предупреждать желания. Во время революции, когда надобно было получить формальное согласие принцессы Анны на коронование Принца Оранского, Леди Черчилль (после Герцогиня Мальбрук), друг и доверенная Принцессы, не дозволила ей согласиться, не посоветовавшись с людьми неоспоримой прямоты и мудрости, преимущественно с Леди Россель из Сутамптон-гауза и доктором Тиллотсоном, после Канторберийским Епископом. Тиллотсон долго не решался принять Епископство из рук Короля, не признанного целой половиной Англиканской церкви. Леди Россель решила его. Он несколько раз советовался с нею и уведомлял о ревностном настаивании Короля; она, разобравши все недоумения и совестливые отговорки доктора, написала ему: «Столько раз проповедовали вы другим покорность, теперь пришло время самим вам на деле дать пример этой добродетели. Вы будете, не сомневаюсь, истинно полезны и благодетельны. Посмотрите, как у нас мало лю-

дей способных и честных и перестаньте колебаться. Вы переглядели вопрос со всех сторон, следовательно, возвращаясь к нему, запутываете себя без всякой нужды».

С другом своим, доктором фиц-Вильямом, убеждения ее не имели успеха. Он отказался принять присягу, по зазрению ли совести или боясь осуждения половины своей паствы, и оставил место и бенефиции. Леди Россель толковала с ним об этом, но с такою же нежной совестливостию: «О чем идет дело? – писала она к нему, – об одном слове, которое каждый человек понимает иначе нежели другой. Вы говорите, что можете принять его в том смысле, на который согласились многие хорошие люди? Зачем же хотите быть лучше хороших людей? Для меня главный вопрос заключается в том, можете ли принять присягу без тайных оговорок. Я ненавижу эти тайные оговорки, к Богу ли относятся они или к людям. Бога обмануть не можем, как бы не желали, но меня ужасает одно желание... Впрочем, добрый друг мой, когда начала писать к вам, я не думала говорить об этом предмете, вы мне это простите. Я не могу спорить с вами, но когда искренно чего делаю, говорю без утайки, примите слова мои и простите их». Это разногласие не возмутило ни на минуту их благочестивого согласия.

Леди Россель во время торжества ее партии и торжества собственного осталась во всех отношениях независима умом и сердцем, без всякого упоения власти. Однажды только показалась она несколько горда и взыскательна. Она рекомендовала в адвокаты-советники Короля отличного молодого человека Вильяма Купера, который после, при Георге I-м, был Графом и Канцлером. Просьба ее встретила сильные возражения, ему недоставало законных лет. Леди Россель повторила просьбу, сперва Лорду Галлифаксу, потом Генеральному Государственному адвокату Сиру Г. Полексфену. Письмо к сему последнему оканчивается следующей фразой: «Я предпринимаю немного дел и желаю услужить немногим, но не люблю ошибаться, когда хочу достигнуть цели». Это единственная черта гордости, которую я нашел между всеми письмами этой кроткой и прямой души; но в этом случае взыскательность оправданна достоинством человека.

Впрочем, Леди Россель судила себя строже, нежели мог бы осудить ее самый суровый моралист. После смерти ее нашли бумагу недоконченную, писанную рукою дрожащей от старости, где

она в виде молитвы, с боязливым смирением, отличительным качеством христианской души, проходит всю жизнь свою, дает себе отчет в пороках своих, слабостях, грехах и молит Господа простить ей. Там прочел я следующее: «С боязнью вижу, что гордость привязалась ко мне во всем, что говорю, во всем, что делаю, во всем, что терплю. Я не умею переносить небрежение или непочтительность. Сама я не довольно почтительна с высшими; часто сержусь без причин, огорчаю тем людей, желающих мне угодить, других ввожу в грех раздражения... Я не охотно признаю пользу советов и примеров, мне данных. Мне досадно, когда не вижу, даже от старших, того почтения, которого ожидала. Такова суетность бедного моего сердца».

Я не могу судить Леди Россель так строго, как она сама себя судит, но обвиняя себя в гордости, в надменной взыскательности, она действительно угадывала слабую сторону души своей, и проничательность ее равнялась искренности.

Она старелась, окруженная общим почтением, славная своей горестью, довольная семьей, отчеством, и тихая перемена постепенно в ней образовалась, те же воспоминания, та же горесть, не оставляя сердца, не раздирали уже его; время, привычка, утомление, отчуждение от самой себя, годами производимая во всех прекрасных душах, притупили острую боль скорби; любовь к детям, забота об их счастье, добродетели оставляли в сердце менее места горьким возвратам к прошедшему: набожность со всеми ее упражнениями, должностями и восторгами была ее обычным состоянием. Одним словом, посвящая себя той же любви, она покорялась христиански, вверялась вечному будущему и без нетерпения старалась заслужить его. Вот письмо, написанное ею к детям в 1691-м, прежде брака второй ее дочери и женитьбы сына: «Любезные мои дети, пишу к вам 21-е июля, в день мучительного воспоминания, в который ваш отец был так жестоко от нас оторван, к вашему великому несчастью и к моему вечному горю. В этот день я всегда смиряюсь под рукою Божию и перед ним обнажаю душу в посте и молитве; в этот день я тщательно рассматриваю жизнь свою и все грехи, чтобы принести чистое раскаяние, записываю постоянно все случаи и все свое поведение, так как записала для вас в той тетради, которую отдала вам в день вашего первого приобщения Святых тайн». – Тут рассказывает она детям еже-

дневные упражнения, которым она подчинялась для того, чтобы ни один поступок не мог ускользнуть от ее надзора: свои обычные молитвы, чтение Священного писания и потом книг нравственных и назидательных духовно. «В конце каждой недели я пересматриваю записанное в тетради, вижу, в чем грешна была, рассеянна ли в молитве или другая какая вина, и в нескольких словах пишу обзор недели. Первая пятница каждого месяца посвящена пересмотру записок моих, тогда и рассматриваю все поведение в течение месяца, пропускаю все незначительное и останавливаюсь на замечательном, на том, что должно быть для меня предметом горести или благодарности... Таким образом приобретается привычка к постоянной бдительности, и когда подходит время Тайной вечери или когда хочу рассмотреть себя вполне, то бумаги эти много помогают мне; не нужно вспоминать, ничто из дел моих не забыто, ничто не ушло [у] меня от рассеяния. Хотя сначала затруднительно накладывать на себя такую обязанность, но скоро можно привыкнуть к этой тяжести; дух наш становится спокойнее и внимательнее, жизнь порядочна без усилия, и тогда легко исполнять все предписания веры нашей... Дети мои, верьте вашей матери, нет в мире ничего, что бы было мне дороже вас, и хотя я нежно люблю ваше тело, но гораздо еще больше люблю душу вашу. Когда находит на меня страх, что кто-нибудь из вас сбивается с прямого пути или поддается дурным наклонностям, или не так добр, как я бы желала, о, какое мучение терзает меня! Умоляю вас, если вы любите, если уважаете память отца вашего, ведите себя так, чтобы мы не могли бояться разлуки в будущей жизни, он, вы и я... Здесь самая долгая жизнь коротка, и никто не знает, сколько проживет. В испытаниях и несчастиях наших нет другого утешения, кроме надежды на блаженную вечность; только тот, кто испытал это, может знать, сколько эта надежда успокаивает и улаживает самые жестокие скорби.

Когда я готова была пасть под ударом, меня поразившим, когда теперь сокрушаюсь о потерянном, то стараюсь все мысли направить на то успокоительное убеждение, что скоро покину этот свет и пойду туда, где увижу Спасителя, умершего за нас, где соединюсь с моим возлюбленным мужем и со всеми благочестивыми друзьями... О милые дети! старайтесь, чтобы всем нам соединиться! Вы можете наслаждаться невинными удовольствиями жизни, но если они отни-

мут все ваше время, если отдалят вас от благочестивых мыслей, от молитвы, от религиозных упражнений, то – это будет грех. Исполняйте в точности и всем сердцем все обязанности ваши к Богу, тогда на земле удовольствия ваши будут невинны, а на небе место ваше будет верно».

Леди Россель не напрасно опиралась на все опоры душевные, испытания еще не окончились. Десять лет спустя после этих кротких материнских увещаний она сидела у постели сына своего, ставшего Герцогом Бедфордским и внезапно пораженного оспой. Боязнь заразы отдалила молодую Герцогиню и детей ее, мать оставалась одна, поддерживая бодрость духа умирающего сына и внимая последним его словам. Он умер. – «Увы! мой дорогой Лорд Галвей, – писала Леди Россель через несколько дней после того к двоюродному брату Генриху де Рювиньи, – мой дух в смятении, в безумии, в тревоге, я не способна ни говорить, ни делать что-нибудь. Я не знала всей силы любви моей к нему. Когда я буду поспокойнее, тогда, надеюсь, что милосердие, которому нет пределов, и всемогущество, которому ничто противиться не может, благодатью свыше подкрепит меня и научит предаваться беспрекословно приговорам Его Провидения. Облегчает скорбь мою мысль, что в смерти сына я оплакиваю только разлуку с ним. Господь наш был постоянно в мыслях его и в душе, в последние минуты он призывал Его, жаловался, что не может громко молиться. “Мне хотелось бы, – сказал он мне, – свести счеты мои с Богом”. Он говорил мне о сестрах, о жене и несколько раз повторил, что она была с ним очень добра и ласкова, жалел, что не может сам благодарить ее, просил меня оказывать ей за него двойную любовь и признательность. Он без большого страдания оставил здешний мир, постоянно был терпелив и кроток, знал опасность свою, но, не желая, вероятно, огорчить окружающих, замедлил сказать свою последнюю волю. Но зачем говорить? Судьба совершилась. Не прошу вашей мольбы, уверена, что вы всем сердцем молитесь за меня Богу»*.

Прошло полгода, и новый удар поразил опять Леди Россель. Вторая дочь ее, герцогиня Рутланд, умерла родами. Ей оставалась

* Молодой Герцог Бетфорд оставил после смерти много детей, между прочим два сына; от него родились теперешний Герцог Бетфорд и брат его Лорд Джон Россель.

одна только дочь, Герцогиня Девонширская, которая также в это время родила. Принуждена будучи скрыть от нее смерть сестры, Леди Россель отвечала на ее тревожные вопросы: «Я видела сестру твою уже не в постели». Она видела ее в гробу.

В 1692-м, то есть двадцать лет прежде этих несчастий, Леди Россель едва не ослепла: счастливой операцией сняли с глаз катаракт, но зрение осталось слабо и неверно. От этого периода жизни ее сохранилось мало писем, спокойных и глубокомысленных. Казалось, будто все любимые ее вышли из общего заключения, а она одна ждет в тюрьме своей очереди освобождения. 28 мая 1716-го писала она к Лорду Галвею, также лишившемуся лучших своих сердечных сокровищ: «Молю Бога, чтоб он подкрепил вас в посланном испытании до того времени, когда вечность примет в лоно свое все наши скорби, наши тревоги, неудачи, все тяжести нашей жизни. О, как она ничтожна перед вечностью!»

В сентябре 1723-го Леди Россель была в Лондоне, в этом Сутамптон-гаузе, где жила она с отцом, с мужем и потом вдовою. 26-го этого месяца внука ее, Леди Рашель Морган, писала к брату Джону Кавендиш из замка Чатерворд: «Мы получили дурные известия о бабушке Россель, и все ужасно встревожены. Маминька (Геоцогиня Девонширская) тотчас поехала в Лондон... Вероятно, дорогой взяла письма, потому что сего дня ни одного не получили, и все в большом беспокойстве. Желая, чтобы маминька приехала вовремя, для обоих это было бы большое утешение, я знаю, что бабушка ее требовала».

Господь даровал матери и дочери эту последнюю радость. Леди Россель скончалась 29 сентября 1723-го на руках последней своей дочери.

Британская Газета, журнал того времени, объявил об ее кончине следующими словами:

«Высокородная Леди Россель, вдова Лорда Вильяма Росселя, скончалась в прошедшую субботу, в пять часов утра, в Сутамптон-гаузе 86-и лет. Тело ее будет перевезено в Шени, в Букингсгамшир, для погребения возле тела супруга ее».

В двух других журналах повторили то же.

«Время для нее кончилось, она входит в обладание вечности» — эти слова сказал перед концом своим Лорд Россель, их повторяю жене его.

С большим удовольствием описывал я эту прекрасную женщину, с чистотой ее страсти, с ее величием и смирением, преданную вполне к должности, к чувствам сердца, одинаковую в горести и радости, в бедствии и торжестве. Наше время заражено плачевной болезнью: оно верит страсти, только соединенной с развратом; безмерная любовь, все восторженные чувства, обладающие душою, кажутся возможными только вне законов нравственных и общественных приличий, всякий порядок считается тяжким бременем, всякая преданность унижающей подлостью, всякое пламя не ясным, если оно не производит пожар. Болезнь эта тем опаснее, что это не проходящая горячка, не вспышка излишней силы: она выходит из развращенных учений, из пренебрежения всякого закона, всякой веры, всякой духовной жизни; она основана на обожании самого себя, себя одного, своей воли, своего удовольствия. К этой болезни присоединяется другое, не менее вредное: человек не только обожает одного себя, но обожает в толпе, в которой все смешаны, он завидует и ненавидит все, что возвышается от общего уровня, всякое превосходство, всякое личное величие, какое бы ни было ему имя и род, кажутся этим разгоряченным падшим умам и беззаконием и угнетением того хаоса безличных и однодневных существ, которое они называют человечеством. Когда является в возвышенных рядах общества какой-нибудь резкий соблазн или ненавистный пример порока и преступления, то они торжествуют и с жаром указывают на эти мрачные явления, чтобы восстать против всех общественных возвышений. Они хотят уверить, что таковы нравы вообще, что это следствие знатного рождения, большого богатства, аристократии. Наслышавшись этих низких учений и насмотревшись на постыдные страсти, их порождающие, я встретил с наслаждением одну из тех великих личностей, которые так ярко им противоречат. Я глубоко почитаю человечество во всей его прелести и с восторгом люблю эти прославленные образы, которые с видимыми чертами, с именем известным олицетворяют и высоко поднимают то, что в человечестве заключается чистого и благородного. Леди Россель доставляет душе эту честную и прекрасную радость. Это знатная госпожа и христианка. Для меня она не чужая, горе ее меня трогает, участь за-

нимает, мне кажется, будто она живет перед моими глазами, и я верю, что, вышедши из этой жизни, исполненной для нее жестоких испытаний, она в том, покуда сокровенном для нас мире, соединилась с возлюбленным своим мужем и приняла награду за страдания свои и за благое свое терпение.